

ОЛЬГА ПЕТРОВА

БЕЛЫЙ ЯР

ЗАМОК И КОРОНА

Ольга Петрова

Белый Яр: замок и корона

<https://litres.ru/74677082>

SelfPub; 2026

Аннотация

С королевской ревизией я справилась успешно. Может быть даже слишком успешно.

Казалось бы — враги названы, награды получены, свадьба сыграна, можно наконец выдохнуть и вернуться к любимому делу. Но в большой игре проигравшие редко уходят со сцены добровольно, а чужие тайны стоят слишком дорого, чтобы оставлять свидетелей на свободе.

Теперь вокруг меня — глухие стены, чужие порядки и люди, уверенные, я ничего из себя не представляю.

Что ж. Работать в стеснённых условиях мне не привыкать. Посмотрим, кто в итоге окажется в ловушке.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	49
Глава 5	62
Глава 6	76
Г	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Ольга Петрова

Белый Яр: замок и корона

Глава 1

В закрытом фургоне было темно, тесно и почти нечем дышать. Двое мужчин удерживали Элизу на дощатом полу за плечи и предплечья — без лишней грубости, но так цепко, что она не могла ни приподняться, ни повернуть голову. На замёрзших выбоинах окованные колёса с грохотом били по камню, кузов глухо вздрагивал, а снаружи доносились только короткие выкрики возницы да скрип полозьев встречных саней.

Сначала, ещё не вполне осознав произошедшее, Элиза пыталась считать повороты. Вылетев со двора за кофейней, фургон резко свернул вправо, затем почти сразу влево, прогрохотал по ровному участку и пошёл под уклон. Так спускались переулки от Казначейской площади к старым складам у канала, но там пересекались десятки узких проездов, и в темноте определить, каким именно её увозят, оказалось невозможно.

Ехали недолго — не больше четверти часа. Затем копыта гулко застучали под сводом крытого проезда, фургон остановился, и позади с тяжёлым лязгом закрылись ворота. Сна-

ружи откинули засов и распахнули створки. Внутри упала полоса тусклого дневного света.

— Выходите, миледи, — произнёс ровный мужской голос.
— Здесь пересядем.

Плотный платок с лица сдёрнули перед самым выходом. Элиза судорожно втянула морозный воздух, закашлялась от ещё стоявшего в горле едкого дыма и, шурясь, посмотрела по сторонам.

Фургон стоял посреди тесного каменного двора, со всех сторон замкнутого глухими складскими стенами без вывесок. У противоположной стены дожидалась большая дорожная карета на высоких колёсах, запряжённая четвёркой рослых лошадей, а рядом держали под уздцы ещё трёх верховых коней. Ни случайных прохожих, ни работников во дворе не было — только шестеро вооружённых мужчин в одинаковых серых дорожных плащах без гербов и нашивок.

Когда Элизу вели к распахнутой дверце кареты, она заметила, что люди во дворе почти не переговариваются: знаками показали вознице на ворота, молча проверили упряжь, ни разу не назвав друг друга по имени.

У самой подножки Элиза упёрлась ладонью в косяк и обернулась к старшему — высокому сухощавому мужчине лет сорока с ничем не примечательным лицом. Голос после дыма слушался плохо, а пальцы на холодном железе поручня мелко дрожали, но она заставила себя заговорить твёрдо:

— Вы понимаете, что делаете? Я леди Элиза Вальд. Мой

муж — майор Рейнар Вальд из Главного штаба. В Палате мер осталась записка с местом и временем моей встречи. В два часа её передадут дежурному адъютанту. Вы и от города далеко не отъедете, когда вас начнут искать.

Старший выслушал её без тени раздражения или спешки.

— Нам известно ваше имя, леди Вальд, — ответил он. — И положение вашего супруга нам тоже известно. Прошу в карету. На улице мороз, а дорога предстоит долгая.

— Чего вы от меня хотите? Если это из-за трибунала или бумаг комиссии, то все документы уже переданы герцогу Бауэру. Вы ничего этим не добьётесь, только подведёте себя под военный суд!

— Нам не поручали вести переговоры, миледи, — тем же ровным тоном произнёс мужчина. — Нам велено доставить вас в сохранности. Садитесь, пожалуйста, сами. У меня строгий приказ обходиться с вами бережно, и мне бы не хотелось применять силу.

Стоявший рядом конвоир молча шагнул ближе, перекрывая отход. Элиза посмотрела на запертые ворота, на шестерых вооружённых мужчин и, зябко передёрнув плечами в лёгком городском полупальто, поднялась по ступеньке внутрь кареты.

Кузов оказался просторным и заранее подготовленным к долгому зимнему пути. Сиденья были устланы овчинными полостями, пол закрывал толстый слой войлока, а окна наглухо затянули плотными кожаными щитками на ремнях —

не оставили ни единой щели, в которую можно было бы разглядеть улицу.

Напротив сели двое: сам старший и немолодой широкоплечий мужчина с сединой на висках. Дверца захлопнулась, снаружи дважды щёлкнул ключ в замке, и карета сразу тронулась с места.

— У вас на щеке копоть от дымника, миледи, — негромко сказал седоватый сопровождающий, доставая из дорожной сумки чистый полотняный платок и флягу с водой. — Возьмите. И руки лучше спрятать под мех, пока внутри не согреется воздух.

Элиза с опаской посмотрела на протянутый платок, потом на его спокойное, почти участливое лицо.

— Жив ли мой гвардеец? — глухо спросила она.

— Когда мы уходили, был жив, — ответил старший, глядя прямо перед собой. — Его уже наверняка нашли люди из кофейни.

Элиза помнила оба удара и то, как Гаррет рухнул у стены. Ей хотелось верить хотя бы этому ответу, но она не знала, говорит ли похититель правду. Она взяла платок и отёрла щеку, всё ещё прислушиваясь: вдруг старший добавит что-нибудь ещё. Но он молчал.

— Если в дороге понадобится вода, тёплая накидка или остановка — скажите мне, миледи, — добавил седоватый, убирая флягу. Сумку он оставил открытой у своих ног.

Из города они выехали пугающе быстро. Карета лишь од-

нажды сбавила ход — под колёсами прогрохотал настил моста, снаружи послышался короткий окрик караульного и спокойный ответ возницы. Дверцу никто не открывал. Возможно, они успели миновать заставу прежде, чем весть о похищении дошла до Главного штаба. Или у возницы имелись бумаги, не вызывавшие у стражи вопросов. Элиза так и не узнала, что именно позволило им беспрепятственно проехать.

Первые несколько часов Элиза сидела прямо, вцепившись пальцами в край сиденья и прислушиваясь к каждому звуку за кожаными щитками. Она всё ещё была уверена, что это не может продлиться долго. В два часа Лукас должен был отправить пакет в штаб. Если Гаррет очнулся, он уже описал нападавших. Рейнар поднимет на ноги и досмотровую службу, и столичный гарнизон.

При каждом замедлении хода на подъёмах или разъездах у неё перехватывало дыхание — казалось, сейчас снаружи раздастся топот конного отряда, прозвучит команда остановиться и дверцу распахнут. Но карета снова набирала ход, колёса ровно стучали по накатанной дороге, а двое мужчин напротив сидели молча и неподвижно, не обмениваясь между собой ни словом.

Когда за дверным притвором погас дневной свет и седоватый конвоир зажёл маленький фонарь за слюдяным окошком, Элиза попыталась взять себя в руки и сосредоточиться на дороге. Если погоня задерживалась, ей нужно было хотя бы примерно понять, в какую сторону её везут.

Она снова принялась считать время и вспоминать перемены пути. Занятие хотя бы позволяло отвлечься от ожидания: пока она восстанавливала дорогу, не так мучительно было слушать каждый окрик снаружи. Первые два часа после заставки карета катилась по ровному каменному мощению — такие казённые тракты расходились от столицы на север к Нордфолку, на запад к Чёрному Плёсу и на юг. Затем мостовая сменилась твёрдым зимником. Ещё через час колёса долго грохотали по доскам широкого моста, после чего карета круто повернула влево, дорога пошла на подъём, и лошади перешли на шаг.

Ночью сделали первую остановку. Карета свернула с тракта, проехала сквозь ворота и остановилась. Старший вышел первым, негромко переговорил с кем-то во дворе и через минуту открыл дверцу.

— Полчаса на смену упряжки, миледи. Можете выйти умыться и поесть в тепле.

Он помолчал секунду, глядя на неё сверху вниз, и предупредил тем же ровным, деловым тоном:

— На дворе есть посторонние. Не пытайтесь подавать знаки или заговаривать с ними. Вам это не поможет, а людям принесёт лишние неприятности. Если нарушите условие — дальше поедем без выходов из кареты.

Элиза спустилась по обледелой подножке на заснеженный двор. Ноги после многочасового сидения затекли и плохо слушались, а ночной мороз сразу пробрал до костей

сквозь тонкую шерсть платья. Седоватый сопровождающий тут же накинул ей на плечи тяжёлый суконный плащ на овчине.

Это был небольшой постоянный двор у лесной развилки — низкий бревенчатый дом, конюшня и навес, под которым стояли двое гружёных саней. Ни вывески, ни дорожного указателя у ворот не было. В глубине двора возле распряжённых подвод возились двое возчиков в тулупах, а на крыльцо как раз вышел работник с фонарём.

Когда Элизу вели к дверям дома, один из обозников обернулся на скрип снега и с любопытством посмотрел на женщину в сопровождении вооружённых людей. Элиза инстинктивно замедлила шаг, повернув к нему голову, и уже набрала в грудь воздуха, чтобы крикнуть или хотя бы спросить, что это за место, — но не успела произнести ни звука.

Седоватый конвоир мгновенно шагнул сбоку, плотно заклонив её плечом от чужого взгляда, а старший мягко, но ощутимо перехватил её выше локтя и ввёл в сени. Одновременно двое других сопровождающих во дворе неспешно двинулись к саням обозников, останавливаясь в двух шагах от возчиков и не сводя с них тяжёлых, внимательных взглядов.

В маленькой боковой горнице, куда привели Элизу, на столе горела свеча, стояли кувшин с тёплой водой, миска горячего бульона, ломоть хлеба и деревянная ложка. Ножа не положили. Старший встал у самой двери, а седоватый остал-

ся у окна, выходявшего во двор.

Через несколько минут в горницу заглянула немолодая женщина в тёмном переднике — молча поставила на край стола кружку горячего взвара и, даже не поднимая глаз на приезжих, торопливо попятилась к выходу. Элиза смотрела, как женщина сутулится и прячет руки под передник. Потом перевела взгляд на старшего у притолоки и вспомнила его предупреждение у кареты: «Людам это принесёт лишние неприятности». От страха за незнакомую хозяйку вдруг затошнило.

Эти люди везли её бережно, потому что таков был приказ. Но если она сейчас закричит и втянет в дело эту безоружную женщину или тех двух возчиков во дворе, на них приказ о бережном обращении не распространится. Кто помешает им расправиться со свидетелями на глухом постоялом дворе? Элиза уже видела, как они обошлись с Гарретом. Проверять, что эти люди позволяют себе с безоружными, она не решилась.

Элиза опустила голову и молча сжала ладонями горячую глиняную кружку, не смея поднять глаз, пока за хозяйкой не закрылась дверь. Мысль о том, что одно её неосторожное слово могло стоить жизни случайному человеку, напугала её куда сильнее, чем собственные замёрзшие руки и запертая карета.

Через полчаса они снова выехали на дорогу. Элиза ещё пыталась следить за поворотами, но после остановки почти перестала различать, где кончается один подъём и начинает-

ся другой.

На рассвете второго дня экипаж свернул на глухую лесную мызу. Здесь их ждали только сменные лошади и молчаливые конюхи; посторонних не было. Карету оставили во дворе, а Элизу с двумя сопровождающими пересадили в закрытый возок на широких полозьях.

После этого маршрут начали намеренно путать. Сани то выходили на укатанный зимник, то часами петляли по лесным просекам, где еловые лапы с сухим шорохом скребли по кожаной обшивке, то переправлялись по льду через реки и снова меняли направление на развилках. На стоянках лошадей перепрягали в пустых дворах, а конвоиры в её присутствии обходились короткими командами без единого названия. К исходу второго дня Элиза с горечью призналась себе, что счёт времени и поворотов потерял всякий смысл: она больше не знала, везут ли её на запад, на север или в горные провинции.

К вечеру старший пересел на облучок к вознице, и внутри возка напротив неё остался один седоватый сопровождающий. Он по-прежнему держался с ней предупредительно и мягко. Когда сани сильно трянуло на замёрзшей колее и Элиза, не удержавшись, ударилась плечом о перегородку, он придержал её за локоть, не давая сползти с сиденья, помог сесть удобнее и поправил сбившуюся меховую полость.

— Потерпите, миледи, — негромко сказал он. — Здесь старая лесовозная дорога, за подъёмом пойдёт ровнее.

Уже ночью, в крошечной темноте, они остановились на каком-то постоялом дворе. Элиза не разглядела вывеску и даже не поняла, сколько вокруг построек. Зато ей наконец удалось оставить знак — она придумала это ещё полдня назад и с тех пор ждала случая. Пока сопровождающие отвлеклись, отцепила маленькую жемчужную серёжку и уронила её в снег перед входом. Надежда была слабой: украшение могли не заметить или подобрать и унести. Но если сюда придут люди Рейнара, у них останется хоть какое-то подтверждение, что её везли этой дорогой.

Комнатка была крошечной, постель — грязной и затхлой, но жаловаться Элиза не стала. Она легла поверх одеяла, укрывшись дорожным плащом, и прижала ладонь к уху, где ещё недавно была серёжка. Впервые за эти дни ей удалось что-то сделать незаметно от конвоя. Оставались вторая серьга, кольцо... Если получится, она оставит и их. Рейнар должен найти её след. Она представляла, как он держит на ладони маленькую жемчужину, и не позволяла себе думать, что украшение так и останется лежать под снегом.

За ночь она так и не сомкнула глаз. Ранним утром, когда в дверь постучали, сразу вышла, молча съела горячий завтрак из плохо вымытой миски и поднялась в возок, не приняв протянутой руки. Седой ничего не сказал. Он сел напротив, дождался, пока захлопнут дверцу, и убрал дорожную сумку под сиденье. Возок тронулся.

Когда они отъехали от постоялого двора, седой протянул

Элизе раскрытую ладонь. На ней лежала маленькая жемчужная серёжка.

— Прошу вас, миледи. Вы обронили.

Он терпеливо ждал, пока она дрожащими пальцами подберёт серёжку, затем откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Ни упрёка, ни угрозы. Элиза стиснула украшение в кулаке: всё это время он знал, на что она надеется, и позволил ей надеяться до самого утра.

Она смотрела на его спокойное лицо, уже не пытаясь сдержать слёзы. Именно к нему она всё ещё надеялась обратиться: из всех шестерых он один замечал, что ей холодно и страшно. Теперь Элиза не знала, было ли это сочувствием или ещё одной частью службы.

— Зачем... Зачем меня везут так далеко? — тихо спросила она, пытаясь совладать с голосом. — Вы ведь видите, я ни в чём перед вами не виновата. Всего несколько дней назад я вышла замуж, мой муж сейчас места себе не находит. Скажите хотя бы одно: меня везут на обмен? Что им от меня нужно?

Мужчина посмотрел на неё с неподдельным, почти отеческим сочувствием, но покачал головой.

— Не тревожьте себе душу догадками, миледи. Никто вам зла не причинит. Нам строжайше велено довести вас живой и здоровой, чтобы вы в пути не замёрзли и ни в чём не нуждались.

— Но кто отдал этот приказ? — Элиза подалась вперёд,

цепляясь за его мягкий тон. — Вы же нормальный человек, не разбойник с большой дороги. Неужели вам совсем не жаль женщину, которую схватили посреди бела дня? Помогите мне хотя бы дать знать мужу, что я жива! Вам не придётся даже называть своего имени — просто оставьте записку на следующем постоялом дворе, и я клянусь, никто никогда не узнает, от кого она пришла...

Выражение его лица не изменилось — оно осталось всё таким же мягким, спокойным и совершенно непроницаемым.

— На следующих стоянках посторонних уже не будет, миледи, — ровно ответил он. — И записок я брать не стану. Не тратьте напрасно силы на уговоры: я на службе и чужих поручений не исполняю. А вот то, что вы едите кое-как и всё ещё сидите в холодных городских туфлях, — это непорядок. На привале я достану из выюка тёплые валяные сапоги и сухую шаль. Зимой в наших местах шутить с морозом нельзя.

Элиза откинулась к стенке возка, всё ещё зажимая серёжку в ладони. Этот человек без напоминаний менял остывший камень у её ног, подавал воду, собирался достать ей тёплые сапоги. И он же отнял у неё единственную надежду оставить след. Теперь она понимала: его можно попросить о лишнем одеяле, но нельзя уговорить хотя бы на минуту перестать быть тюремщиком. Собственного имени он так и не назвал.

Следующие дни слились в тягучий, изматывающий полумрак. Ожидание скорой погони постепенно сменилось глу-

хой злостью — и на похитителей, и на собственную беспечность в кофейне, — а затем пришёл холодный страх. Спасителей не было. Сани уходили всё дальше в какие-то безлюдные заснеженные края, воздух становился суше и морознее, а затяжные подъёмы говорили о том, что дорога забирается в предгорья. Как Рейнару узнать, куда свернул этот возок? Она сама давно потеряла дорогу, хотя проделала весь путь вместе с похитителями. Элиза подчинялась, ела и выходила из возка по чужому разрешению, а надежда на скорое спасение таяла с каждой остановкой.

На одной из коротких стоянок Элиза поняла, что едва держится на ногах. От бессонницы, слёз и постоянного напряжения кружилась голова; пришлось ухватиться за дверцу, прежде чем ступить на подножку. Она испугалась: если так пойдёт дальше, скоро ей и для ходьбы понадобится чужая помощь. Путешествие затягивалось, а впереди ждала встреча с человеком, который всё это затеял. Что бы ни случилось при встрече, ей потребуются силы.

С тех пор она старалась беречь силы. Перестала плакать, стала просить остановок, когда уставала, съедала свою порцию горячей еды на стоянках и старалась дремать в дороге, кутаясь в овчинный плащ.

В те редкие минуты, когда ей разрешали выходить, она видела, что горы становятся всё ближе. В дороге прошло уже больше недели, когда возок начал долгий, крутой подъём. На остановке Элиза увидела, как в упряжку добавили лошадей;

верховые спешили и дальше шли рядом по узкому каменному карнизу. На обдуваемых ветром участках под полозьями вместо снега скрежетал голый камень. Подъём с остановками занял около суток. Потом путь стал положе, а ещё через день, когда снега на дороге почти не осталось, её снова пересадили в карету.

Элиза услышала, что молчаливые до этого момента мужчины начали тихо переговариваться, а затем где-то впереди глухо ударил колокол, которому тут же ответил рожок.

Экипаж остановился. Где-то неподалёку слышались ещё голоса, тяжёлый скрип ворот и лязг поднимаемой решётки. Колёса загрохотали под сводом длинного каменного проезда. За воротами карета ещё немного проехала по двору и наконец остановилась.

Дверцу открыли. Седоватый конвоир вышел, отступил на шаг, подавая ей руку.

— Приехали, миледи. Выходите осторожнее, ступенька обмёрзла.

Элиза ступила на расчищенный камень и выпрямилась, стараясь за несколько секунд запомнить всё, что попадёт в поле зрения. Они находились на просторном дворе большой каменной крепости. Сгущались зимние сумерки, вдоль стен в железных кольцах горели факелы. С одной стороны прямо за зубчатой стеной поднимался отвесный скальный склон, поросший редким сосняком.

Позади темнела арка ворот с опущенной решёткой и на-

двратной башней, где виднелись часовые с арбалетами. На каменном щите над проездом был изображён золочёный олень; такой же знак повторялся у входа в главный корпус. Элиза не помнила этого герба ни среди столичных, ни среди северных родов. Впрочем, в геральдике она разбиралась плохо и теперь жалела, что прежде не уделяла ей внимания.

По правую руку тянулись конюшни, сараи и кузница. По левую — длинная приземистая постройка с широкими закопчёнными трубами, откуда валил пар и доносился стук перекачиваемых бочек; очевидно, там размещались кухня и складские погреба. Впереди возвышался трёхэтажный главный замок из тёмно-серого камня с крытым переходом к угловой башне.

— Прошу за мной, миледи, — сказал старший, указывая на боковой вход в жилое крыло.

Элиза молча пошла следом, считая ступени и повороты: невысокое каменное крыльцо, сводчатый коридор первого этажа, винтовая лестница на второй этаж и узкий боковой переход с тремя обитыми железом дверями.

У самой дальней двери стояли двое стражников с оружием. Один из них поднял тяжёлый наружный засов и толкнул створку внутрь.

— Проходите, миледи. — Старший остановился на пороге. — Это ваша комната. Воду и ужин скоро принесут, служанка поможет вам с дороги.

Элиза шагнула через порог и обернулась.

— Когда мне объяснят, по чьему приказу я здесь?

— Когда хозяин сочтёт нужным, — ровно ответил старший. — Спокойной ночи.

Дверь закрылась. Снаружи глухо опустился в скобы железный брус и дважды повернулся ключ в замке.

Комната оказалась тёплой, чистой и скупой обставленной: высокая каменная печь, топку которой обслуживали снаружи из коридора, широкая кровать под шерстяным пологом, стол, два стула, сундук и умывальный столик с кувшином. Единственное узкое окно в глубокой стенной нише было забрано частой кованой решёткой; внизу виднелась заснеженная часть внутреннего двора.

Возле умывальника, опустив глаза в пол и стиснув пальцами край чистого передника, стояла молодая русоволосая служанка. Убедившись, что на двери изнутри нет ни единой щеколды, Элиза сняла дорожную шаль, положила её на стул и посмотрела на девушку.

— Как тебя зовут?

— Нора, госпожа, — ответила служанка, вздрогнув, и несмело подняла взгляд.

— Чья это крепость, Нора? И где мы находимся?

Девушка тут же испуганно покосилась на дверь и заговорила тихо, почти скороговоркой:

— Мне не велено отвечать на такие вопросы, госпожа. Приказано только подать вам воды, прибрать постель и принести ужин. А если станете расспрашивать о хозяине или о

замке — велено сразу сказать страже и уходить.

Элиза посмотрела на её побелевшие пальцы и промолчала. Настаивать сейчас было бесполезно — напуганная служанка просто уйдёт, а за дверью останутся двое молчаливых караульных.

— Хорошо, — тихо сказала Элиза, садясь на стул у стола.
— Тогда просто налей воды умыться, Нора. Я очень устала с дороги.

Глава 2

Первая ночь на новом месте не принесла облегчения. В дороге Элизу ещё поддерживало само движение — покачивание возка, смена лошадей, надежда на то, что на следующем разъезде или перевале произойдёт хоть что-то, за что можно зацепиться. Здесь же вокруг сомкнулась глухая, неподвижная тишина каменного мешка.

Ужин, который Нора принесла на деревянном подносе, остался почти нетронутым. Девушка бесшумно убрала посуду, поправила свечи, ещё раз присела у порога и выскользнула за дверь. Снаружи тут же лязгнул засов.

Оставшись одна, Элиза потушила свечу, легла под тяжёлое шерстяное одеяло, не раздеваясь, и впервые за последние дни дала волю слезам. Она плакала долго и беззвучно, уткнувшись лицом в жёсткую подушку, чтобы ни один всхлип не донёсся до караульных в коридоре. В темноте всё казалось ещё безнадежнее, чем при свете: между ней и Вальтерградом теперь лежали сотни вёрст, горный перевал и чужие стены с незнакомым золочёным оленем над воротами. Рейнар даже не знал, в какой стороне королевства её искать.

Заснуть удалось лишь под утро, но сон оказался чутким и рваным. Каждый раз, когда в коридоре раздавались тяжёлые шаги сменяющейся стражи или глухой стук древка алебарды о каменный пол, Элиза вздрагивала и садилась на постели с

колотящимся сердцем.

Так потянулись первые дни. Нора приходила несколько раз в день. Она исправно приносила горячую воду для умывания, меняла полотенца, вытирала пыль со стола и подавала еду. Кормили Элизу на удивление хорошо: густые мясные похлёбки, запечённая птица, свежий пшеничный хлеб, тушёные овощи и горячий травяной отвар. Однако мясо всякий раз подавали уже нарезанным на мелкие куски, а из приборов приносили только деревянную или оловянную ложку.

Во второй день Нора открыла окованный сундук у стены. Внутри обнаружили три простых, но добротных шерстяных платья тёмно-синего и серого цветов, тёплые чулки, сорочки из мягкого полотна и пара домашних кожаных туфель без каблуков. Всё оказалось почти впору — вещи явно подбирали заранее под её невысокий рост и тонкую фигуру.

— Откуда это, Нора? — спросила Элиза, перебирая плотную ткань. — Здесь знали, что меня привезут?

Служанка, аккуратно развешивавшая платье у печи, тут же опустила глаза в пол.

— Я не знаю, госпожа. Мне выдали узел в бельевой и велели положить в ларь.

О чём бы Элиза ни заводила речь — далеко ли отсюда до ближайшего города, давно ли стоят морозы, много ли людей в замке, — ответ был один и тот же. Нора либо виновато молчала, кусая губы, либо торопливо заканчивала уборку и стучала в дверь, чтобы её выпустили.

К третьему дню стены спальни начали давить так, что у Элизы разболелась голова. Неизвестность изматывала хуже прямых угроз: её ни о чём не спрашивали, ни в чём не обвиняли и словно вообще забыли о её существовании.

Когда утром Нора принесла завтрак, Элиза не села к столу, а встала прямо перед девушкой.

— Передай управляющему замка или старшему охраны, что я требую встречи, — твёрдо сказала она. — Мне нужны бумага и чернила, чтобы написать мужу, и хотя бы полчаса прогулки на свежем воздухе. Я не преступница, чтобы держать меня взаперти без объяснений.

Нора испуганно мигнула, но кивнула:

— Я передам сотнику, госпожа.

Ответ она принесла в полдень, вместе с обедом.

— Сотник сказал, что хозяина сейчас нет в крепости, — тихо проговорила девушка, не поднимая взгляда от подноса. — До его возвращения ни чернил, ни прогулок не положено. И принимать вас некому.

Элиза шагнула к двери, пока её ещё не успели захлопнуть снаружи. В проёме стоял рослый стражник в кожаном колете, придерживая тяжёлую дубовую створку за железное кольцо.

— Позовите коменданта крепости, — потребовала Элиза, останавливаясь на пороге. — Меня держат здесь незаконно. Если ваш хозяин в отъезде, у него должен быть заместитель.

Караульный посмотрел на неё сверху вниз — спокойно,

без злости, но и без малейшего почтения к её столичным титулам.

— Отойдите от порога в комнату, госпожа, — ровно произнёс он. — Мне не велено с вами разговаривать.

— Вы хотя бы понимаете...

— Три шага назад, госпожа. Иначе мне придётся закрыть дверь силой.

Он не повысил голоса, но его свободная рука легла на древко алебарды. Элиза встретила с его безучастным взглядом и медленно отступила к столу. Дверь захлопнулась, железный брус со стуком опустился в скобы.

Она постояла посреди комнаты и медленно опустилась на стул. В дороге ещё можно было думать, что всё переменится, когда они доберутся до места: ей объяснят, чего хотят, позволят написать Рейнару, хотя бы выслушают. Теперь она получила ответ. Ни тёплая комната, ни чистые сорочки не давали ей права даже постоять на пороге. Оставалось ждать человека, который решал, когда ей можно выйти и с кем говорить.

Следующие два дня прошли в тяжёлом оцепенении. Элиза подолгу стояла у узкого зарешёченного окна, глядя, как внизу, на расчищенном углу хозяйственного двора, работники носят воду от колодца и катят бочки к дверям кухни. Иногда со стороны ворот доносился скрип полозьев или короткий звук рожка — в крепость кто-то приезжал и уезжал, но в её крыле по-прежнему царила мёртвая тишина.

На шестое утро, умываясь над медным тазом, Элиза взглянула на своё отражение в небольшом круглом зеркальце, висевшем в деревянной раме над умывальником, и не сразу узнала собственное лицо. Бледная кожа, тёмные круги под глазами от недосыпа, запавшие скулы, небрежно скрученная на затылке коса. Отсюда, из зеркала, на неё смотрела та самая измученная, растерянная баронесса Вейр, в чьём теле Марина Воронова когда-то очнулась в разорённом Белом Яре.

Элиза медленно вытерла лицо полотенцем и положила его на край столика. Тот, кто организовал похищение в центре Вальтерграда, держал наготове сменные экипажи на протяжении полутора недель пути и спрятал её за горным перевалом, сделал это не ради того, чтобы она просто сидела в спальне. Рано или поздно хозяин этого замка вернётся и вызовет её для разговора. Возможно, ей специально дали неделю полной тишины, рассчитывая, что одиночество и страх сделают её мягче и сговорчивее.

Одной этой мысли хватило, чтобы захотелось умыться ещё раз и расплести сбившуюся косу. Она не знала, о чём пойдёт разговор, но не хотела встретить его после очередной бессонной ночи, едва соображая от усталости.

С этого дня Элиза установила для себя распорядок. Утром она заставляла себя до конца съесть завтрак, затем полчаса расхаживала по комнате от окна к двери, разминая мышцы, и тщательно приводила себя в порядок. Попросила у Норы

костяной гребень, долго расчёсывала густые тёмно-каштановые волосы и аккуратно укладывала их тугим венцом вокруг головы. Выбрала из сундука самое строгое тёмно-синее шерстяное платье с закрытым воротом и каждый вечер аккуратно расправляла его на спинке стула.

Она больше не требовала у охраны невозможного и не пугала Нору расспросами о замке. Вместо этого она мысленно перебирала все известные ей нити столичного дела, пытаясь вычислить человека, которому могли принадлежать и эта горная твердыня, и герб с золочёным оленем, и власть, заставляющая людей служить ему с такой пугающей преданностью.

За ней пришли на восьмой день после прибытия. Около полудня за дверью послышались шаги сразу нескольких человек. Засов подняли в непривычное время, и в комнату вошла Нора — бледная и явно встревоженная.

— Госпожа, — тихо сказала она, поправляя на ходу передник. — Его светлость вернулся в замок. Велено проводить вас к нему.

Элиза поднялась со стула. От волнения перехватило дыхание. Она заставила себя вдохнуть, расправила плечи и пригладила юбку.

— Хорошо. Идём.

В коридоре её ждали двое стражников. На этот раз на площадке второго этажа они повернули не вниз к лестнице, а направо — через отпертую кованую решётку в главную часть

замка.

Здесь обстановка резко отличалась от сурового бокового крыла. По каменным плитам шла плотная ковровая дорожка, глушившая шаги, в высоких простенках между окнами висели старые гобелены со сценами горной охоты и щиты с тем же золочёным оленем, а в бронзовых настенных бра горели толстые восковые свечи.

Стражники остановились перед высокой двустворчатой дверью тёмного дуба. Старший коротко постучал, приоткрыл одну створку и жестом предложил Элизе войти, оставшись снаружи.

Это был просторный угловой кабинет с двумя высокими стрельчатыми окнами, выходившими на заснеженный горный склон. В широком камине ровно потрескивали берёзовые поленья, вдоль стен поднимались полки с книгами в кожаных переплётах, а посреди комнаты стоял массивный письменный стол и несколько глубоких кресел.

Мужчина, стоявший у окна спиной к двери, неторопливо обернулся. На вид ему было около пятидесяти: высокий, статный, в простом камзоле из дорогого тёмного сукна, без орденов и шитья. Волосы с проседью на висках были аккуратно зачёсаны назад, короткая бородка подчёркивала резко очерченный подбородок. Элиза на мгновение замерла у порога: он кого-то ей напоминал. Она всмотрелась, пытаясь поймать это сходство, но так и не поняла, какая черта показалась знакомой.

— Проходите, леди Элиза, — произнёс хозяин замка негромким, глубоким голосом и указал на кресло возле камина. — Прошу вас, садитесь. Надеюсь, дорога через перевал не слишком подорвала ваше здоровье. Мне доложили, что вы благополучно добрались неделю назад, но неотложные дела не позволили мне вернуться и принять вас раньше.

Элиза медленно подошла к камину, но садиться не спешила, глядя ему прямо в лицо.

— Вы называете вооружённое нападение и перевозку в запертом возке «дорогой», ваша светлость? — ровно спросила она. — Меня едва не задушили дымом, убили или покалечили моего охранника и больше недели везли под замком, не удосужившись даже назвать имя человека, по чьему приказу это сделано.

Хозяин замка слегка наклонил голову, словно принимая упрёк, и сам опустился в кресло напротив, положив руки на резные подлокотники.

— Меня зовут Домиан, — спокойно ответил он. — И я приношу вам свои искренние извинения за те неудобства, которые вам пришлось перенести в пути. Поверьте, если бы существовал способ пригласить вас сюда без шума и без участия охраны Главного штаба, я бы непременно им воспользовался. Что же касается вашего гвардейца, мне доложили, что он остался жив. Мои люди не мясники. Надеюсь, он скоро вернётся в строй.

Элиза медленно села на край кресла, сложив руки на ко-

лениях.

— Зачем я здесь, милорд?

Домиан помолчал несколько секунд, спокойно и чуть снисходительно разглядывая её, словно размышляя, достойна ли она ответа.

— Затем, что ваши наниматели, леди Элиза, за последние полгода потеряли чувство меры, — негромко и очень буднично заговорил он. — Дом Вальдов всегда отличался упрямством, но этой зимой маркиза Беатрис, Юлиан и ваш «супруг» зашли слишком далеко. Они вмешались в дела моих давних союзников, разрушили несколько весьма важных начинаний и устроили в столице показательное судилище, поставив под удар людей, чьими усилиями мы действовали в провинциях.

— Вы говорите о тех, кто морил голодом пограничные гарнизоны и наживался на гнилой муке? — не выдержав, холодно уточнила Элиза.

Домиан чуть заметно усмехнулся — без всякого раздражения, как улыбаются наивному ребёнку, повторяющему чужие взрослые слова.

— Я говорю о большой государственной политике, дитя моё, в которой, увы, редко обходится без издержек. Вальды решили использовать провиантскую проверку, чтобы расчистить себе дорогу у трона и свести старые счёты. А вас — молодую вдову из разорённого северного баронства — очень ловко выставили впереди себя как удобное знамя. Согласи-

тес, ход Беатрис был хорош: прикрыться нищей провинциальной баронессой, которая якобы сама раскопала столичные злоупотребления. Все смотрели на вас, обсуждали ваши выходки, жалели её сына. Кто всерьёз искал за этим расчёт? Даже свадьбу приняли за очередную блажь Рейнара. Признаю, маркиза умело воспользовалась чужой доверчивостью.

Кровь резко бросилась Элизе в лицо. Её пальцы невольно сжались на ткани юбки. Захотелось осадить этого холёного вельможу, сказать ему прямо в глаза, что ни Беатрис, ни Юлиан не имели ни малейшего отношения к её расчётам, что это она сама выявила подложные ведомости Бранта, сама разработала сухие пайки и систему пломбировки, а Рейнар поначалу даже пытался усадить будущую жену дома!

Она уже открыла рот, чтобы возразить, но остановилась. Домиан говорил без тени сомнения. Похоже, он и впрямь не допускал, что молодая вдова из захолустного Белого Яра могла сама разобраться в подложных ведомостях. Ревизия, трибунал, орден Королевского Сокола, свадьба в соборе — всё это для него было замыслом дома Вальдов. Элизе оставалось повторять выученное и ставить подписи там, где ей укажут.

Доказывать обратное означало бы собственными руками лишить себя единственного преимущества. Сейчас перед ним сидела испуганная женщина, которую, по его мнению, использовали чужие люди. Стоило убедить его, что проверки затеяла она сама, — и он увидит в ней врага, способного

снова ему навредить. Элиза с трудом разжала пальцы на юбке. Он уже предложил ей роль. Следовало понять, чего он от этой роли ждёт, и не выдать себя первым же возражением.

Она опустила глаза, чтобы он не заметил злости, и ссутулилась.

— Я ни в чьи игры не просилась, ваша светлость, — тихо, с надтреснутой дрожью в голосе произнесла она, глядя в пол. — Когда я ехала в Вальтерград, мне сказали, что нужно просто ходить по складам и амбарам и повторять, что прикажут... Я всю жизнь только и хотела, что вытащить своё поместье из долгов и спокойно жить в Белом Яре.

Домиан удовлетворённо кивнул — именно такой реакции он и ждал.

— Я вас прекрасно понимаю, моя дорогая, — мягко сказал он. — От таких предложений не отказываются. Думаю, они вам угрожали? Ну конечно! Должно быть, вам пришлось нелегко в их доме.

— Вы даже не представляете насколько, — прошептала Элиза, нервно теребя край рукава — точь-в-точь как делала пугливая Нора у двери. — В столице меня вообще никто ни о чём не спрашивал. Мне приносили готовые таблицы, указывали, где поставить подпись, а перед заседаниями комиссии и трибуналом леди Беатрис часами заставляла меня заучивать наизусть каждое слово, которое я должна была произнести перед судьями и королём... Даже в день свадьбы она проверяла каждый мой шаг. Я просто боялась им перечить.

Она подняла на него глаза. Притворяться напуганной не приходилось: от его решения зависело, вернётся ли она к Рейнару. Важно было только не дать ему понять, чего именно она боится.

— Прошу вас, милорд... Я не буду создавать вам никаких проблем. Я сделаю всё, что вы прикажете, только не причиняйте мне вреда.

Взгляд Домиана заметно потеплел. Напряжённая складка между его бровями разгладилась.

— Успокойтесь, леди Элиза. Я же сказал: я не воюю с женщинами, тем более с теми, кто участвует в игре не по собственному желанию. Теперь, когда вы находитесь под моей защитой, Вальдам придётся стать сговорчивее. Брак заключён при короле, и просто отмахнуться от судьбы молодой супруги они не смогут. К тому же теперь у них нет вашей подписи под актами военной приёмки. Придётся искать другого уполномоченного и объясняться с государем. Пока они этим заняты, мы сможем действовать. А им придётся хотя бы изображать скорбь и поиски. Правда, по донесениям, поиски они уже прекратили. Жаль...

При этих словах глаза Элизы наполнились слезами. Она понимала, что Домиан может лгать, но говорил он так буднично, словно сообщал о погоде. Рейнар перестал искать её? Она не хотела верить — и всё же не смогла удержаться от этой мысли. Домиан подался вперёд, оперевшись локтями о подлокотники кресла.

— Скажите мне только одно, дитя моё. О чём говорили в доме Вальдов в последние дни? Какие ещё бумаги торговых домов или судовладельцев Чёрного Плёса ваш муж и герцог Бауэр собирались вынести на рассмотрение Совета?

Элиза сглотнула, стараясь собраться. Приходилось слушать вопрос, хотя в голове всё ещё звучали его слова о прекращённых поисках.

— Со мной почти не разговаривали, ваша светлость. Когда я возвращалась домой, то учила речи, которые давала мне Беатрис, — сказала она, виновато разведя руками. — Рейнар всегда говорил, что всё это — не женского ума дело. После свадьбы меня вообще отправили в старую мастерскую Палаты мер разбираться с весовыми гирями для провинциальных ярмарок. Единственное, что я слышала за завтраком, — что Бауэр спорит со старшими офицерами о назначении нового начальника тыловых путей вместо генерала Брое, а маркиза злилась, что мы приносим бумаги к столу... Больше мне ничего не доверяли.

Она замолчала, стараясь смотреть на него с надеждой и робостью. Домиан несколько секунд изучал её, затем откинулся на спинку кресла и вздохнул. Элиза боялась пошевелиться: пусть сам достроит привычную ему картину. Вальды пожертвовали прежними связями ради новой игры, женили сына на удобной провинциалке и дали ей вес в столице. Без их поддержки кто стал бы слушать разорённую баронессу? А после венчания в присутствии короля и публичного награж-

дения ей открылись любые двери. Домиан, видимо, считал себя одним из немногих, кто сумел разглядеть за её успехом чужой расчёт. Оставалось надеяться, что желание оказаться правым перевесит подозрительность.

— Что ж, это вполне в духе Рейнара и его матушки, — с лёгкой усмешкой заметил Домиан. — Вальды подлецы. Не огорчайтесь, леди Элиза. Возможно, ваше вынужденное путешествие сюда окажется для вас даже спасительным — по крайней мере, здесь вам ничего не грозит, если вы будете разумны.

Он поднялся с кресла, давая понять, что беседа окончена. Элиза тоже торопливо встала, опустив глаза.

— Пока мы не уладим разногласия с вашим супругником и столичными предателями, вы погостите у меня, — произнёс Домиан спокойным, покровительственным тоном. — Я распоряжусь, чтобы вам предоставили книги из библиотеки и всё необходимое для спокойного досуга. А когда наши дела в Вальтерграде завершатся и Вальды поймут свою ошибку, вы сможете без всяких препятствий вернуться в своё северное поместье. Надеюсь, вы будете вести себя хорошо и не заставите меня прибегать к ненужной строгости.

— Конечно, ваша светлость. Я всё поняла, — тихо ответила Элиза, приседая в поклоне. — Я не доставлю вам беспокойства. Благодарю вас.

Когда за ней закрылись двери кабинета, Элиза пошла обратно по ковровой дорожке под присмотром двух стражни-

ков. Держать голову опущенной было нетрудно: после разговора её трясло, и она боялась, что это заметят. Теперь у врага появились имя и лицо. Он был влиятелен, богат и достаточно осторожен, чтобы спрятать её так далеко от столицы. Но в одном, возможно, ошибся — так же, как до него Крелл и Брант. Счёл её безобидной. Пока это заблуждение давало ей время, и она не могла позволить себе разрушить его из-за обиды.

Глава 3

Обещание Домиана исполнили в тот же вечер. Перед ужином в комнату вместе с Норой вошёл пожилой слуга, молча сложил на край стола стопку книг в потёртых кожаных переплётах и передал служанке плетёную корзинку.

Едва за мужчиной закрылась дверь и лязгнул засов, Элиза подошла к столу. В корзинке оказались мотки светлой шерсти, костяные спицы, пяльцы с начатым полотном, маленькие рукодельные ножнички с закруглёнными концами и несколько деревянных шпилек для волос.

Книги были старыми и совершенно безобидными: сборник южных баллад, описание садовых деревьев и цветов, том церковных поучений и старинная хроника первых королей Вальтерии, обрывавшаяся за двести лет до нынешнего времени. Элиза перебрала тома ещё раз. Ни местных карт, ни записей о провинциальных родах и гербах — ничего, что могло бы узнать, где она находится.

Элиза пролистала страницы у свечи, проверяя, нет ли на титульных листах владельческих пометок или библиотечных печатей. Пусто — верхние углы форзацев, где обычно ставили родовой знак или подпись прежнего хозяина, были аккуратно срезаны.

— Нора, — негромко позвала Элиза, поворачиваясь к девушке, поправлявшей постель. — Его светлость сказал, что

мне дадут всё необходимое для досуга. Попроси у управляющего несколько листов чистой бумаги и чернильницу с пером. Я хотела бы делать выписки из книги по садоводству — у меня дома в Белом Яре большой яблоневый сад.

Нора замерла с взбитой подушкой в руках и виновато опустила глаза.

— Не дадут, госпожа. Когда мне выдавали корзинку, старший строго-настрого наказал: ни бумаги, ни перьев, ни карандашей в комнату не носить. Даже угольки из печной жаровни брать не велено.

Элиза медленно закрыла книгу.

— А что говорят про мой отъезд? Его светлость обмолвился, что я смогу вернуться домой, когда они договорятся со столицей.

— Про то я не ведаю, госпожа, — тихо ответила служанка. — Наше дело маленькое, нам господских сроков не докладывают.

Элиза не стала продолжать. Ответ был исчерпывающим: ей позволили читать старые стихи и вязать чулки, чтобы скрасить время в четырёх стенах, но любая возможность оставить письменный след по-прежнему пресекалась.

Ночью, глядя в тёмный потолок, Элиза снова и снова вспоминала слова Домиана: «По донесениям, поиски они уже прекратили». Неужели Рейнар мог махнуть на неё рукой, когда после свадьбы прошло едва три недели? Она знала, что не мог, и всё равно лежала без сна. Возможно, розыск напра-

вили по ложному следу. Или война разгорелась так, что Рейнара отправили в действующую армию. А может, ей просто солгали. Элиза перебирала объяснения, от которых становилось то немного легче, то ещё страшнее, и ни одно не могла проверить.

Утром за Элизой снова пришли двое стражников и отвели её в знакомый угловой кабинет. На этот раз Домиан сидел прямо за письменным столом. Перед ним лежал чистый лист плотной сероватой бумаги без водяных знаков, стояли простая глиняная чернильница и гусиное перо.

— Доброе утро, леди Элиза, — произнёс он, указывая на стул напротив себя. — Надеюсь, книги пришлись вам по вкусу. Сегодня у вас есть возможность оказать услугу и себе, и мне.

У Элизы внутри всё сжалось, но она покорно села на предложенный стул.

— Какую услугу, ваша светлость? Я постараюсь сделать всё, что потребуется.

— Мы-то с вами знаем, что майор Вальд отличается завидным упрямством. — В голосе Домиана скользнула холодная досада. — Я прекрасно понимаю, что привязанности к вам он не испытывает. Но со свадьбой его поздравлял сам король. Получив письмо от жены, он будет обязан хотя бы выслушать посланника. Не сможет же он объявить всему свету, что ваша судьба его больше не интересует.

Элиза опустила взгляд на столешницу, чтобы Домиан не

заметил, как дрогнули её ресницы.

— Что я должна сделать? — тихо спросила она.

— Написать ему короткое письмо. — Домиан подвинул к ней лист и перо. — Вашу руку он, полагаю, узнает. Напишите, что вы живы, здоровы, находитесь в полной безопасности и с вами обращаются достойно. Попросите его не предпринимать опрометчивых шагов и выполнить условия подателя письма.

Элиза взяла перо. Пальцы слегка подрагивали от волнения. Если письмо повезёт посланник и вручит его Рейнару или его людям, появится хоть какая-то зацепка. Рейнар годами вёл расследования в Северном округе. Возможно, сумеет выяснить, откуда доставили пакет, или проследить обратный путь вестового. Домиан наверняка об этом подумал, но Элиза всё равно ухватила за надежду. А если ей удастся добавить в письмо хоть одну подробность дороги, искать станет легче.

Она обмакнула перо в чернила и вывела первую строку:

«Дорогой Рейнар. Пишу тебе сама, чтобы ты не верил дурным слухам. Я жива и здорова, со мной обращаются хорошо. Здесь тепло и спокойно, хотя дальняя дорога через перевал меня очень утомила...»

Дописать фразу она не успела. Домиан протянул руку через стол и накрыл ладонью нижнюю часть листа. Перо замерло над его пальцами.

— Это лишнее, дитя моё, — мягко, но непреклонно ска-

зал он, прочитав написанное вверх ногами. — Ваш супруг не нуждается в дорожных заметках о перевалах.

Он забрал начатый лист и бросил его прямо в огонь камина. Бумага вспыхнула и почернела по краям. Домиан положил перед Элизой новый лист.

— Теперь пишите только то, что я говорю. Слово в слово, без лишних подробностей. Если вы ещё раз попытаете проявить ненужную находчивость, мы обойдёмся без письма, а вашему мужу отправят лишь ваше обручальное кольцо. Полагаю, вы понимаете, как именно он это истолкует.

В камине тихо треснуло полено. Элиза посмотрела на спокойное лицо Домиана и поняла, что второй попытки не будет.

— Простите, ваша светлость, — глухо произнесла она, опуская голову. — Я не хотела ничего дурного... просто думала, что так выйдет жалостливее. Диктуйте.

Домиан помедлил, глядя на неё, затем кивнул и начал диктовать. Элиза послушно вывела несколько коротких строк: что жива, ни в чём не терпит нужды, просит его не предпринимать опрометчивых шагов, которые могут навредить ей самой, и выслушать условия подателя письма. Внизу поставила подпись: «Элиза Вальд».

Она старалась, чтобы почерк оставался ровным и твёрдым, без клякс и дрожащих линий. Пусть Рейнар узнает её руку и поймёт хотя бы одно: она жива и способна сама держать перо. Больше она ничего не смогла ему сообщить. Вся

надежда теперь была на человека, который доставит письмо.

Домиан внимательно перечитал текст, посыпал чернилами сухим песком из медной песочницы и, оставшись доволен, убрал лист в кожаную папку, не запечатывая его при ней.

— Вот и славно, — кивнул он. — Видите, как легко ладить, когда каждый понимает свою выгоду. И ещё одно: поскольку вы ведёте себя благоразумно, я разрешу сотнику выводить вас раз в неделю на прогулку по двору. Сидеть всю зиму в комнате вредно для здоровья.

Вернувшись к себе, Элиза впервые за эти дни почувствовала прилив живой надежды. Она подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу, глядя на заснеженные крыши хозяйственного двора.

Она мысленно считала дни. Верховой гонец без тяжёлого возка, если не станет петлять по лесным просекам, мог бы добраться до столицы за неделю. Ещё день-два — чтобы письмо попало к Рейнару. Потом нужно время на дорогу сюда... Она понимала, что посланник может передать пакет через чужие руки, а Рейнару ещё придётся установить, где её держат. И всё же возвращалась к одному сроку: две-три недели. К тому времени должно хоть что-нибудь измениться. Теперь ей было чего ждать.

Первую прогулку ей разрешили через три дня после написания письма. Утром Нора принесла тёплый овчинный плащ и валяные сапоги, а в коридоре её ждали двое стражников.

— Полчаса, госпожа, — коротко предупредил старший из

них, когда они спустились по винтовой лестнице.

После почти двух недель взаперти морозный горный воздух обжёг лицо. От яркого света, отражавшегося от чистого снега на крышах и скалах, с непривычки заслезились глаза.

Элиза шла медленно, глубоко дыша и стараясь смотреть по сторонам без явной суеты, чтобы не дать охране повода увести её раньше времени. При дневном свете крепость выглядела ещё массивнее, чем в вечерних сумерках. С трёх сторон её окружали высокие зубчатые стены из тёмно-серого камня, а с четвёртой — там, где возвышался главный корпус, — кладка переходила прямо в отвесный гранитный склон горы.

Большую часть нижнего пространства занимала хозяйственная половина. Возле длинного приземистого строения с тремя широкими трубами шла обычная утренняя работа: двое парней в грубых фартуках кололи дрова под навесом, работница выливала бадью мыльной воды в каменный жёлоб водостока, а из широких дверей кухни выходили повара с корзинами мёрзлой капусты и мешками крупы, которые поднимали из глубокого подвального входа по соседству. Значит, основные продуктовые кладовые находились прямо под кухонным корпусом.

Дойдя до поворота расчищенной дорожки, Элиза оказалась неподалёку от главных ворот. Тяжёлые створки сейчас были приоткрыты, пропуская внутрь гружённые сеном сани, а под поднятой решёткой в глубине сводчатого проезда вид-

нелись край внешней дороги и дверь караульного помещения. Солдат вокруг было немало.

Элиза замедлила шаг, стараясь разглядеть, сколько человек дежурит у воротного подъёмника и куда уходит спуск за башней. Она задержалась всего на несколько секунд, но шедший справа стражник тут же выдвинулся вперёд и заслонил ей ворота. Второй коротко указал на дорожку.

— Поворачивайте обратно к корпусу, госпожа. У ворот стоять не положено.

Элиза без споров развернулась и пошла назад вдоль стены. Спорить из-за лишней минуты у ворот не имело смысла: устройство двора она уже рассмотрела, а лишиться единственной в неделю прогулки было бы непростительной ошибкой.

Через два дня после этого во дворе с самого утра начались сборы. Стоя у своего окна на втором этаже, Элиза видела, как из конюшен вывели десяток оседланных коней и запрягли большие дорожные сани. Вооружённые всадники в тёплых плащах выстроились у главного крыльца. Вскоре из дверей вышел сам Домиан в дорожной шубе, сопровождаемый комендантом, отдал несколько коротких распоряжений и сел в сани. Протрубил рожок, и выезд направился к воротам.

С отъездом Домиана жизнь в крепости вошла в привычное русло. Для Элизы потянулись недели ожидания. Она отмечала дни крошечными засечками на деревянной шпильке, перебирала их пальцем по вечерам и каждый раз пересчитывала.

вала. Прошла неделя, затем вторая и третья — тот срок, за который она надеялась дожидаться хоть какой-нибудь вести.

Каждый раз, когда снизу доносился звук рожка у ворот или во двор въезжали редкие обозы с дровами и припасами, Элиза откладывала шитьё и подходила к окну, надеясь увидеть чужих всадников или услышать шум у ворот. Но во дворе спокойно разгружали сани, караульные так же мерно сменялись у её двери, а ни из столицы, ни от самого Домиана не приходило никаких известий.

К концу шестой недели надежда снова стала таять. Все расчётные сроки для гонца давно вышли. Почему ничего не происходит? Неужели письмо вообще не отправляли, а весь разговор в кабинете был устроен только для того, чтобы проверить её послушание? Или посланник передал письмо через третьи руки так осторожно, что люди Рейнара не сумели проследить обратную цепочку?

От полного одиночества спасали приходы Норы. Элиза давно перестала расспрашивать её о замке и дорогах: девушка пугалась и сразу уходила, а после её ухода тишина становилась ещё тяжелее. Теперь, пока Нора убирала комнату или подметала возле печи, Элиза заговаривала о чём-нибудь, что не могло навлечь на служанку неприятности. Иногда разговор удавалось продлить всего на несколько минут, но и эти минуты она берегла.

Сначала девушка отвечала односложно, по привычке косясь на дверь, но постепенно, видя, что гостя не пытается

выведать никаких тайн, стала разговаривать охотнее.

— Вода здесь совсем жёсткая, — замечала Элиза, расчёсывая после мытья густые волосы. — У нас в Белом Яре для мытья собирали талый снег или смягчали колодезную воду горстью просеянной древесной золы, иначе волосы плохо промываются.

— И у нас в прачечной золу сыплют, госпожа, — негромко отзывалась Нора, задерживаясь у стола с кувшином. — С гор ручьи известковые бегут, в котлах за зиму слой накипи нарастает. Старшая прачка всё ворчит, что мыла вдвое против равнинного уходит, да кожа на руках сохнет.

Из таких разговоров понемногу складывалась жизнь крепости. Зима в этих горах держалась до середины весны, а в метель дороги порой заметало так, что по две недели обозы из долины не могли подняться. Постоянной прислуги в замке было немного: старые работники да люди из окрестных деревень, нанимавшиеся на время. На кухне распоряжался строгий повар Бруно. С ним старались не связываться даже караульные: его светлость ценил его мастерство и специально выписал из большого города. Ещё Нора рассказывала о кузнецке Миросе. О нём она говорила особенно охотно, вспоминала то его слова, то сделанную им работу и всякий раз смущалась, заметив улыбку Элизы.

Но стоило разговору коснуться дел хозяина или его поездок, как Нора тут же умолкала.

Так подошёл к концу второй месяц заточения. По-преж-

нему оставались четыре стены, полчаса прогулки раз в неделю и полное отсутствие вестей. Элиза привыкла различать по шагам смену караула, знала, когда принесут еду и в какие дни Нора задерживается внизу. Эта привычка помогала переживать дни, но порой пугала: Элиза всё чаще заранее решала, чем займётся завтра, словно уже смирилась, что и завтра проведёт здесь.

В тот день обед принесли чуть позже обычного. На улице со вчерашнего вечера мела метель, в узком окне стояла белая пелена, и у Элизы с утра было тяжело на душе от неизвестности.

Нора поставила на стол поднос: миску горячей перловой похлёбки, несколько ломтиков отварного мяса и небольшую глиняную плошку со сладким запечённым кремом из молока и яиц — такие блюда подавали редко. Элиза съела несколько ложек похлёбки и придвинула к себе плошку. Сверху крем покрывала тёмная пересушенная корочка, а под ней обнаружилась ноздреватая масса, распавшаяся на плотные хлопья. Между ними проступила мутная желтоватая жидкость. Ещё в прежней жизни Элиза привыкла разбираться в таких неудачах. Она машинально повернула ложку, разглядывая свернувшийся крем, и отодвинула плошку на край подноса.

Нора, вытиравшая в это время крышку сундука, заметила движение и удивлённо посмотрела на нетронутое блюдо.

— Вам сладкое не понравилось, госпожа? На кухне сегодня для старшего стола запекали, мне поварёнок лишнюю

порцию для вас отложил.

— Его передержали в жару, Нора, — рассеянно ответила Элиза, всё ещё глядя в мисочку. — Видишь, пошёл хлопьями, а вокруг вода. Печь, должно быть, слишком сильно натопили, а плошки поставили прямо на раскалённый камень. Их лучше ставить в широкий противень с горячей водой: тогда крем прогревается постепенно и получается гладким, без комков. Жаль, хорошие продукты перевели.

Она говорила почти не задумываясь, как когда-то объясняла причину неудачи на работе. Подняв глаза, увидела, что Нора поджала губы. Элиза запоздало поняла, как прозвучали её слова. Девушка принесла редкое лакомство, а услышала в ответ, что угощение никуда не годится. Для неё молоко, яйца и сахар сами по себе были роскошью; Элиза же рассуждала о температуре печи, даже не поблагодарив.

— Простите, госпожа, — сухо проговорила Нора, подходя к столу и забирая поднос. — Я думала, вы обрадуетесь. У нас тут не столичные кухни, готовят как умеют. Передам внизу, что вам их стряпня не годится и что они печь топить не обучены.

— Постой, Нора, я вовсе не просила ничего передавать... — начала Элиза, спохватившись.

Но девушка уже не слушала. Прижав поднос к себе, она быстро подошла к двери, постучала караульным и, не поднимая взгляда, вышла в коридор.

Элиза с досадой вздохнула. Только не хватало из-за

неудачной плошки крема рассориться с единственным человеком, с которым можно было поговорить в этой комнате.

Глава 4

О том, что Нора выполнила своё обещание буквально, Элиза узнала меньше чем через два часа. После полудня в коридоре слышались тяжёлые, быстрые шаги. Железный брус снаружи со стуком откинули, дверь распахнулась, и на пороге вырос коренастый широкоплечий мужчина лет сорока пяти в заправленном за пояс белом холщовом фартуке и рубаше с засученными по локоть рукавами. Коротко подстриженная тёмная борода с проседью и нахмуренные густые брови придавали ему вид человека, привыкшего единолично распоряжаться и не терпеть возражений. Чуть позади него переминалась притихшая Нора, а у притолоки стоял караульный. Мужчина держал ту самую плошку, которую служанка унесла после обеда. Крем в ней успел окончательно остыть.

— Я старший повар Бруно, — без долгих предисловий густым басом объявил он, шагнув в комнату. — Девушка вернула блюдо со стола и передала ваши слова: дескать, крем испорчен и подавать его нельзя. Его светлость перед отъездом строго наказал кормить вас тем же, что готовят для старших чинов замка. Если вам попало прогорклое масло или сор в муке — скажите мне прямо, я виновного выпорю, но мне нужно знать, что именно вам подали.

Элиза отложила книгу на край стола и поднялась со стула,

чувствуя себя неловко.

— Простите, мастер Бруно, вышло недоразумение, — мягко сказала она. — Я вовсе не собиралась жаловаться и не просила Нору возвращать плошку. Продукты здесь совершенно свежие, а мясные блюда и хлеб, которые приносят с вашей кухни, всегда приготовлены хорошо.

Повар нахмурился ещё сильнее. Вежливый тон не успокоил его, а, кажется, только сильнее раззадорил.

— Хорошо, значит? — переспросил он, глядя на плошку. — Продукты свежие, а блюдо в рот не взяли. Нора сказала, вы велели передать, будто мы у себя внизу печь топить не умеем и ставим горшки посуху, отчего яйцо хлопьями идёт.

Элиза бросила короткий взгляд на служанку — та стояла у двери ни жива ни мертва, глядя в пол, — и снова повернулась к повару. Раз уж разговор зашёл напрямую, отпираться было бессмысленно.

— Я не просила этого передавать, мастер Бруно. Просто сказала вслух, почему расслоилась смесь, — пояснила Элиза. — Жар, который хорош для пирогов, крему может повредить. У стенок яйцо сворачивается, пока середина ещё не прогрелась. Я бы поставила плошки в глубокий противень с горячей водой: так нагрев будет мягче.

Бруно слушал, всё крепче сжимая плошку. Элиза заметила, как он покраснел, и поняла, что примирительного разговора не получилось. Он пришёл разобраться с жалобой, а получил наставление от женщины, которая ни разу не видела

его кухни. Нора за его спиной совсем сникла. Теперь отступить и объявить свои слова пустяком значило бы оставить служанку виноватой во всей этой истории.

— Вот как, — глухо протянул он, ставя плошку на стол. — Значит, в противень с водой? Надо же, какая премудрость. На словах-то, госпожа, учить всякий горазд — особенно когда чужими руками жар загребают. А вы сами-то у настоящей печи хоть раз в жизни стояли, кроме как в книжках картинки разглядывать?

— Стояла, — коротко ответила Элиза. — И не раз.

Бруно прищурился, смерив взглядом её тонкую фигуру и чистые руки.

— Понятно. Что ж, коли вы такая искусница, может, сами спуститесь ко мне на кухню и покажете неучам, как сделать этот крем гладким, без единой крупинки? На том же самом молоке, в тех же самых плошках и в моей печи.

Нора испуганно ахнула, а караульный в дверях выпрямился и посмотрел на повара. Бруно сделал вид, что не заметил этого: он ждал ответа Элизы.

Элиза ухватилась за предложение. Два месяца она видела кухонный корпус только издали, во время коротких прогулок вдоль стены. Спуститься туда самой значило вырваться из осточертевшей комнаты, увидеть изнутри, как устроено снабжение замка, и заговорить с живыми людьми.

— С удовольствием покажу, мастер Бруно, — ровно согласилась она. — Но стража меня не выпустит.

Повар хмыкнул, явно не ожидая, что благородная дама так легко примет вызов, и повернулся к караульному в дверях:

— Сходи к сотнику. Скажи, я сам прошу спустить госпожу в поварню под вашим присмотром, пока она покажет свой способ. Его светлость велел найти ей занятие. Встанете у двери, а через окна она не уйдёт — они под самым потолком. Очень уж хочется увидеть её в деле.

За разрешением пришлось подождать. Бруно остался у двери, всем своим видом показывая, что уходить не намерен. Вернувшийся караульный передал ответ сотника: провести госпожу в поварню, двоим оставаться при ней до конца работы, а потом вернуть в комнату. Повар хмыкнул, словно другого ответа и не ожидал, и подхватил со стола плошку.

Через четверть часа Элизу в сопровождении Норы и двух вооружённых караульных провели через заснеженный двор к приземистому каменному корпусу.

Внутри замковая кухня оказалась огромным сводчатым залом, разделённым посередине двумя массивными каменными столбами. Вдоль дальней стены тянулись две большие печи с широкими закопчёнными устьями и открытый очаг с поворотными железными крючьями для котлов. На длинных дубовых столах, изрезанных ножами до глубоких ложбин, лежали туши свежеразделанной баранины, связки лука и репы, у стен стояли кадки с водой и лари с мукой.

Когда стражники встали у входа, а Элиза прошла к среднему столу, работа в зале разом стихла.

Двое поварят, чистивших коренья у лохани, пожилая грузная кухарка у котла и молодая веснушчатая девушка лет двадцати, протиравшая сита, во все глаза уставились на пленницу. Слух о том, что запертая во флигеле столичная госпожа забракowała стряпню самого мастера Бруно и сейчас будет учить его готовить, явно уже облетел всю поварню. Один из поварят ухмыльнулся, разглядывая её платье; девушка у сит толкнула его локтем, но сама тоже не отвела глаз. Элиза почувствовала себя так, словно её снова вызвали к ответу перед незнакомыми людьми. Только теперь ей предстояло выдержать проверку у печи.

Бруно широким жестом указал на расчищенный край стола.

— Вот вам, госпожа, всё как было утром: кувшин молока, десяток яиц, колотый сахар, мускатный цвет и шесть глиняных плошек. Вот медный противень, раз уж вам без воды никак. Клара, — кивнул он молодой веснушчатой помощнице, — подавай ей утварь, какую спросит, да сама не помогай. Поглядим на столичную науку.

Элиза сняла шаль, передала её Норе и повязала поверх платья передник, который протянула Клара. От привычного движения стало немного спокойнее. На рабочем столе были молоко, яйца, сахар и посуда; с этим она умела обращаться. Однако ни точных весов, ни термометра здесь не было, а печь предстояло изучать прямо на глазах у людей, ожидавших её промаха.

Она подошла к устью малой печи, где утром запекали крем, и протянула ладонь на расстояние локтя от свода. Жар шёл плотный, жёсткий, причём сверху от низкого гранитного купола пекло заметно сильнее, чем от самого пода. Элиза взяла со стола одну из пустых глиняных плошек: стенки у неё были толстыми, в полпальца, грубого местного обжига.

Для первой пробы она решила ничего не менять в составе и проверить, хватит ли одной водяной бани, чтобы выровнять такой жар.

Она отмерила молоко в медный ковшик, положила сахар и поставила у края очага прогреться, а тем временем разбила в глиняную миску яйца и размешала их деревянной весёлкою. Тонкой струйкой влила тёплое молоко, разлила смесь по четырём плошкам, поставила их в глубокий медный противень и залила вокруг горячей водой из котла до половины высоты мисочек.

Бруно стоял поодаль, скрестив руки на груди, и молча наблюдал за каждым её движением. Поварята вытягивали шеи из-за столов.

Элиза задвинула противень длинным ухватом в дальний от огня угол печи. Минут через двадцать можно будет проверить: в Белом Яре такой порции обычно хватало этого времени. Пока ждали, Клара убрала скорлупу, а Бруно распорядился продолжать работу. Любопытные всё равно поглядывали на печь.

Когда, по расчёту Элизы, время вышло, Клара помогла

вытянуть противень на шесток. Первая же проверка показала, что здесь крем готовится иначе.

Сверху крем прихватило сухой золотистой плёнкой. Элиза осторожно качнула крайнюю плоску: под корочкой плеснулась жидкая середина, а у самых бортиков уже появились мелкие крупинки. Низкий раскалённый свод слишком быстро припекал открытый верх. Одной воды вокруг толстых глиняных мисочек оказалось недостаточно.

Если вернуть противень в печь ещё на десять минут, чтобы дошла середина, края окончательно свернутся и пустят воду — выйдет ровно то же самое, что принесли ей сегодня в комнату.

У соседнего стола один из поварят тихо фыркнул в кулак. Бруно подошёл ближе, заглянул в плоску и с притворным сочувствием покачал головой:

— Что ж такое, госпожа? Воды налили полный противень, а внутри сырое молоко болтается, пока края уже сварились. Видно, не в одной воде дело-то?

Смех за спиной задел Элизу сильнее, чем она ожидала. В прежней жизни неудачная проба означала, что нужно изменить условия и повторить. Здесь Бруно мог в любую минуту велеть убрать посуду, а её отправить наверх. Она заставила себя не смотреть на него и занялась кремом.

Верхний жар следовало отсечь, плоски — прогреть заранее. Элиза взяла мисочку через сложенное полотенце и осмотрела схватившийся по краям крем. Потом заглянула в

кувшин с молоком: на стенках почти не осталось сливочно-го следа. Сливки сделали бы смесь нежнее, но от перегрева сами по себе не спасли бы. Она вернула плошку в противень и только тогда повернулась к хозяину кухни.

— Вы правы, одной воды мало, — сказала Элиза. — Свод сильно припекает сверху. Нужен лист, чтобы прикрыть противень, и плошки надо сначала прогреть. А с молока сливки снимали?

Бруно чуть сдвинул брови. Признания он, видимо, не ожидал, как не ожидал и нового вопроса. Он взял кувшин, посмотрел внутрь и поставил обратно.

— Сливки на хозяйское масло идут, — буркнул он. — Но кувшин неснятого в погребе найдётся. Только чем вам сливки от печного жара помогут?

— От жара поможет лист. Сливки дадут более нежный вкус, — ответила Элиза. — И часть яиц я заменю желтками. Позвольте ещё одну пробу? Клара, понадобятся густые сливки, чистое редкое полотно и широкий медный лист, чтобы закрыть противень сверху.

Клара посмотрела на Бруно и осталась стоять. Повар ещё раз заглянул в неудачную плошку, помолчал и кивнул:

— Неси. Раз уж взялись, доведём до конца. Только остальную кухню мне не бросать! — добавил он, обернувшись к поварям. Те поспешно занялись своими лоханями.

Во второй раз Клара уже стояла рядом и подавала всё без напоминаний. Элиза попросила её прогреть чистые плошки

в горячей воде, а сама смешала молоко со сливками, сахаром и мускатным цветом. Ковшик поставила у огня и сняла, когда у стенок начали появляться первые пузырьки. Пока молоко грелось, Элиза разбила в миску три целых яйца и добавила ещё два желтка. Клара подставила кружку для белков, потом потянулась влить молоко в миску, но Элиза придержала её руку.

— Не сразу всё. Помешивай и лей понемногу, иначе яйца сварятся раньше, чем попадут в печь.

Девушка замедлила движение, следя за тонкой струйкой. Бруно молча наблюдал с другого конца стола.

Свободной рукой Клара подвинула кружку с белками к краю стола и спросила, оставлять ли их для другой стряпни. Элиза кивнула: выбрасывать ничего не требовалось. Это замечание Бруно встретил одобрительным хмыканьем.

— Размешивай лопаткой, без пены, — попросила Элиза, передавая Кларе миску. — Нам нужен гладкий крем. Если сильно взбить, в нём останутся пузырьки.

Клара работала осторожно, то и дело поглядывая на неё. Теперь в её взгляде было любопытство, и отвечать на вопросы стало легче.

Тёплую смесь Элиза процедила через чистое полотно, чтобы убрать яичные жгутики и случайные сгустки. Разлила в прогретые плошки и долила в противень горячей воды. Клара помогла установить сверху медный лист; по краям оставили щели для выхода пара.

— Лист возьмёт на себя верхний удар от каменного свода, — пояснила она, задвигая противень в печь. — Он прикроет крем от прямого жара, пока прогревается середина.

На этот раз никто уже не посмеивался. Пожилая кухарка подошла посмотреть на закрытый противень, а потом вернулась к своему котлу. Элиза осталась возле печи. Ей хотелось поскорее приподнять лист и проверить, но слишком ранняя проверка ничего бы не дала. Она вытерла руки и попросила Клару показать, куда можно поставить готовые плоски для остывания.

Примерно через полчаса Элиза приоткрыла медный лист и кончиком ложки легко толкнула край плоски. Смесь у стенок уже держалась упруго, а самая серединка едва заметно колыхнулась студенистой волной, без жидкого плеска под поверхностью.

— Вынимаем, — сказала Элиза. — Середина дойдёт сама от тепла глины, пока плоски остывают. Если держать в печи до тех пор, пока середина станет твёрдой, крем пересохнет.

Две плоски вынесли на четверть часа в прохладные сени у погребного входа. Когда Клара занесла их обратно и поставила на стол, вокруг собралась почти вся кухня.

Сверху крем был совершенно ровным, нежного сливочно-кремового оттенка, без единого горелого пятна или сморщенной плёнки. Элиза взяла чистую оловянную ложку и протянула её самому Бруно.

Старший повар зачерпнул крем из середины плоски.

Ложка вошла мягко; срез получился ровным, без хлопьев и мутной жидкости на дне. Элиза невольно подалась вперёд, следя за его лицом. Оценивать чужой результат Бруно, похоже, любил не меньше, чем собственный.

Бруно отправил ложку в рот, распробовал, затем зачерпнул ещё раз у самой стенки, где крем обычно присыхал к глине. Потом молча отступил на шаг и кивнул Кларе и старой кухарке:

— Хм... Пробуйте.

Клара набрала немного крема своей ложкой, и её круглое веснушчатое лицо мгновенно просветлело:

— Гладкий какой... Будто густые сливки на языке тают, и яйца вовсе не слышно!

Старая кухарка тоже отведала, уважительно причмокнула и покосилась на старшего повара, ожидая, что скажет хозяин кухни.

Бруно положил ложку и огладил бороду. Он успел попробовать и середину, и край, но повода отодвинуть плоску не нашёл. Элиза молчала. Клара уже улыбалась, а кухарка смотрела на старшего повара, ожидая его решения.

— Что ж, — веско произнёс он, глядя чуть в сторону. — Спорить не стану: крем вышел гладкий, воду не отсекло. Фокус с медным листом сверху и прогретыми горшками толковый, для нашего низкого свода годится. Только сахару на мой вкус маловато положили, его светлость любит послаще. Да и возни с процеживанием через полотно да лишними желтка-

ми столько, что на каждый день не напасёшься. Но для парадной подачи — дело годное.

Элиза не стала спорить о сахаре и тем более не попыталась напомнить повару его давешние насмешки. Она прекрасно понимала: если сейчас задеть самолюбие Бруно при его подчинённых, двери этой кухни закроются для неё навсегда.

— Насчёт сахара вам виднее, мастер Бруно, вы вкусы здешнего стола лучше знаете, — спокойно и уважительно ответила она, развязывая тесёмки передника. — А печь у вас жар держит долго, просто я ещё не знаю, куда что ставить. В Белом Яре привыкла к другой. Спасибо, что дали попробовать второй раз.

Повар внимательно посмотрел на неё из-под густых бровей. Отсутствие всякого бахвальства с её стороны явно пришлось ему по душе куда больше, чем сам удавшийся крем.

— Ладно уж, — уже совсем без прежней колючести проворчал он. — Клара, собери госпоже с собой две остывшие плоски наверх. Пусть ест то, что по её нраву сделано.

Обратно в свою комнату Элиза возвращалась с лёгким румянцем на щеках от печного тепла. И хотя за её спиной снова щёлкнул замок и опустился железный засов, вечер уже не казался таким безнадёжно пустым. Нора, расставляя на столе принесённые с кухни мисочки, больше не дулась и не прятала глаза — напротив, с живым интересом пересказала, как старая кухарка Гедда после ухода госпожи хвалила приём с прогретыми горшками.

Через три дня кухня сама напомнила о себе. Около полудня, когда Нора принесла воду, вместе с ней у порога остановился старший поварёнок в перепачканном мукой переднике. Поклонившись Элизе, парень виновато проговорил:

— Госпожа, меня мастер Бруно прислал. Мы сегодня с утра затеяли тот крем по вашему показу сделать — и сливки влили, и через холстину процедили, и листом сверху накрыли. Только у Клары снова беда вышла: середина не схватилась, а как дольше подержали, всё одно крупинками пошло. Мастер Бруно велел спросить: не спуститесь ли после обеда глянуть, что у нас не так сделалось? Охране сотник уже дозволение дал.

Элиза посмотрела на парня, потом на стражника в коридоре, который безучастно кивнул, подтверждая слова поварёнка, и спокойно поднялась со стула.

— Передай мастеру Бруно, что я сейчас спущусь, — ответила она и потянулась за шалью. Теперь её звали помочь, и Элиза боялась только одного: как бы за время её сборов повар не передумал.

Глава 5

На кухне было шумно и жарко. Когда Элиза в сопровождении стражников переступила порог, она сразу увидела причину переполоха.

На среднем разделочном столе вместо прежних маленьких мисочек стояли две широкие и глубокие глиняные корчаги, в каких обычно ставили квашню или запекали кашу на целую артель. Над ними, расстроено поджав губы, стояла Клара, а рядом хмурился мастер Бруно, держа в руке длинную деревянную ложку со следами свернувшихся белых хлопьев.

— Вот, полюбуйтесь, — буркнул повар вместо приветствия и ткнул ложкой в ближайшую корчагу. — Всё сделали точнёхонько по вашему слову: и сливок не пожалели, и желтков прибавили, и через двойную холстину процедили. Даже горшки кипятком обдали и листом сверху прикрыли. Час в печи простояло! У краёв на два пальца в творог сварилося и воду пустило, а в середине — хоть ложкой хлебай, сырая жижа. Тогда почему у вас получилось? Вы часом не ворожея?

Элиза заглянула в посудину. В прошлый раз они готовили четыре маленькие плоски, каждая шириной с ладонь. Теперь на кухне попытались запечь двадцать порций в двух глубоких корчагах. Такое ей уже приходилось видеть в прежней

жизни: состав увеличили, а время и способ нагрева оставили прежними. Клара, похоже, ждала, что сейчас её обвинят в неверном счёте, и заранее приготовилась защищаться.

— Вы увеличили закладку сразу в пять раз и вылили всё в глубокую посуду, — сказала Элиза, указав на толстый бортик корчаги.

— Ну а как же иначе? — развела руками Клара. — Сотник утром сказал, что к ужину будут все десятники с дальних постов, велел сделать сладкое на двадцать человек. Где ж я столько мелких плошек наберу? Я всё до ложки верно высчитала: молока впятеро, яиц впятеро...

— Считала ты верно, Клара. Только посуда теперь другая, — ответила Элиза. — В глубоком горшке середина прогревается дольше. Если прибавить жар или просто оставить его в печи, у стенок крем уже свернётся, а внутри будет сырым. Нам нужно разлить смесь тоньше. Тогда и большой порции хватит более мягкого жара.

Бруно нахмурился, почесав затылок рукоятью ложки, и пристально посмотрел на корчагу. Мысль была простой, но для человека, привыкшего томить в больших горшках мясо и кашу — которым лишний час кипения у стенок шёл только на пользу, — неочевидной.

— И что же делать, коли мелкой посуды в замке всего полдюжины? — спросил он уже без прежнего вызова, чисто поделовому. — По четыре плошки в пять приёмов печь? Так к полуночи не управимся, да и печь остынет.

— Можно управиться за один раз. — Элиза оглядела полки с утварью. — Сначала прогреем смесь на водяной бане, помешивая, чтобы она вся стала одинаково тёплой. До густоты не доводим. А потом разольём в плоские латки, слоем не выше двух пальцев. Такие у вас есть?

Клара тут же показала на нижнюю полку. Бруно опередил её, сам достал широкую латку и поставил рядом с неудавшимся кремом.

В таких латках обычно запекали рыбу и пироги. Повар провёл рукой по широкому дну, прикидывая, сколько сюда войдёт смеси.

— В латке слой тонкий, прогреется сверху донизу разом, — вслух рассудил он. — А при подаче можно лопаточкой на ровные куски резать. Только если мы широкую латку поставим в малую печь, придётся оставить её у самого устья: в глубине ширины не хватит. Толку не выйдет.

— Почему? — спросила Элиза.

Вместо ответа старший повар подошёл к большой печи, взял кочергу и постучал по каменной кладке с правой и с левой стороны устья.

— В малой печи свод короткий, у самого края из дверей поварни сквозняком тянет: широкую латку с одного боку остудит, а с другого припечёт, — уже с явным удовольствием хозяина, знающего нрав своего очага до последнего камня, объяснил Бруно. — Да и в большой печи справа за стенкой идёт главный дымоход к трубе, там камень всегда

калёный, для румяной корки. А вот по левую руку, за каменным выступом у чела, под остывает мягко и держит ровный дух до самого вечера. Туда две широкие латки в противнях с водой встанут как родные. И медный лист прямо на бортики класть нельзя — под такой широкой крышкой пару деваться некуда. Поставим железные козлики, чтобы щель побольше осталась.

Он уже переставлял латки, примеряя, как они войдут в печь. Элиза заметила перемену: Бруно больше не требовал, чтобы она исправила чужую неудачу, а искал решение вместе с ней. Его печь она знала хуже, и притворяться, будто это не так, не собиралась.

— Тогда вы выбираете место и ставите противни, мастер Бруно. Я займусь смесью. Давайте попробуем вместе.

Клара отнесла испорченный крем и освободила стол. Бруно велел поварятам вымыть латки и достать кованые подставки.

Клара быстро принесла из погреба свежее молоко и яйца, а Элиза встала к открытому очагу. В широкий котёл с кипящей водой опустили медный таз поменьше, куда влили процеженную яично-сливочную смесь. Элиза помешивала смесь широкой лопаткой, проводя по дну и стенкам. Бруно стоял рядом; Клара придерживала таз сложенным полотенцем. На этот раз помощница спрашивала сама — когда снимать, как проверить середину, что делать, если печь успеет остыть.

— До густоты здесь не ждём, — сказала Элиза. — Дово-

дить будем в печи, а сейчас только прогреваем. И не оставляй без присмотра: у стенки может схватиться раньше, чем заметишь.

Клара кивнула и попробовала смесь чистой ложкой. Элиза показала, как помешивать у самого края, после чего передала ей лопатку. Тёплую, ещё жидкую основу разлили в две заранее прогретые латки и поставили в противни с горячей водой. Дальше командовал сам Бруно: он лично выставил по углам латок кованые железные подставки, накрыл их сверху медным листом и длинным ухватом с удивительной для его грузной фигуры ловкостью задвинул тяжёлые противни в левую глубь большой печи.

Бруно несколько раз проверял крем, каждый раз приподнимая лист лишь с одного края. Элиза смотрела вместе с ним. Когда середина перестала плескаться и только мягко колыхалась, повар довольно крикнул и вытянул противни на шесток.

Крем схватился ровно, без тёмных подпалин по углам. После остывания Бруно осторожно отделил лопаткой небольшую порцию и перенёс на тарелку. Она сохранила форму, хотя при касании ещё дрожала; на дне латки не выступила вода. Клара наконец перестала теребить тесёмку передника и улыбнулась. Бруно попробовал крем и коротко кивнул Элизе:

— Теперь в самый раз. И на двадцать человек за один заход управились, и добро не перевели. Клара, унеси латки в

холодную кладовую до вечерней подачи.

Элиза хотела уже развязать фартук, полагая, что её дело закончено и сейчас охрана уведёт её обратно на второй этаж, но на кухне как раз начиналась предвечерняя страда. Из подвала поднимали мешки, у котлов громыхали черпаками, и Бруно, занятый разделкой большой бараньей туши у дальнего стола, не спешил отсылать караульных.

Элиза отошла к краю длинного стола, чтобы не мешать су-ете, и в этот момент из холодных сеней вышел один из старших кухонных работников — плечистый, угрюмый детина лет тридцати по имени Йост, который ещё в прошлый её приход криво усмехался у лохани с кореньями.

Неся перед собой тяжёлую плетёную корзину, доверху набитую мелкой, кривой, облепленной погребным песком и льдом брюквой, он с размаху бухнул её на стол прямо перед Элизой и придвинул деревянную бадью с колодезной водой.

— У нас тут, госпожа, в горячий час пустыми руками стоять не заведено, — громко, с притворной угодливостью проговорил он, косясь на поварят, чтобы те оценили шутку. — Со сладкими сливками у чистого медного таза баловаться всякому приятно, а к стражничьему котлу корзину брюквы чистить некому — Клара у печи, мальчишки дрова таскают. Или господским ручкам за серый корень братья не по чину?

У соседнего стола стало тише. Двое поварят замерли с капустой в руках, ожидая, что она ответит. Йост улыбался и не отходил. Он явно надеялся на возмущение: пленница по-

требует уважения к титулу, а остальные посмеются над госпожой, которой здесь никто не обязан повиноваться.

Элиза спокойно посмотрела в нагловатые глаза Йоста, затем перевела взгляд на корзину. В своей жизни ей приходилось перебирать вещи куда хуже мёрзлой брюквы.

Ни слова не говоря, она закатала рукава шерстяного платья выше локтей, придвинула к себе бадью с ледяной водой и взяла со стола короткий тупой скребок, которым чистили корнеплоды.

От первого же прикосновения к подмёрзшей корке в воде со льдом пальцы заломило, но Элиза работала быстро и споро: сбивала налипший песок в бадью, срезала загрубевшие места и бросала очищенный корнеплод в соседнюю лохань. Рядом постепенно росла кучка очистков. Элиза старалась держать их с одного края, чтобы не мешали, и не смотрела на Йоста. Тот ещё немного постоял над ней, но, не дождавшись ответа, отошёл.

Через десять минут Гедда подошла к столу, подвинула Элизу плечом и выплеснула ледяную воду в сточный жёлоб. Налила согретой воды из бокового бака, проверила рукой и вернулась к своему котлу. Ничего при этом не сказала, но Элиза уже не чувствовала, что вся кухня ждёт её унижения.

Элиза благодарно кивнула ей и к концу получаса дочистила корзину до самого дна.

Однако Йост, принявший её молчание за робость и безответность пленницы, решил развить успех. Едва последняя

брюква упала в лохань, он подошёл с двумя огромными за-
копчёнными чугунами, внутри которых застыл толстый слой
серого бараньего сала от утреннего варева, и со стуком по-
ставил их перед Элизой.

— Ловко у вас выходит, госпожа, — ухмыльнулся он. —
Тогда вот ещё чугуны от пригоревшего сала отскребите да
песком протрите, а я пока в погреб за солониной схожу.

Элиза неторопливо ополоснула руки в тёплой воде, насухо
вытерла их краем фартука и повернулась к нему лицом.

— С брюквой я помогла, потому что к ужину не успева-
ли, — сказала Элиза достаточно громко, чтобы слышали у
соседнего стола. — А мыть за тобой котлы не стану. Отнеси
их к мойке и займись сам.

Ухмылка сползла с лица Йоста. Он шагнул вплотную к
столу, нависая над невысокой фигурой Элизы:

— Да ты кто такая здесь, чтобы мне указывать, когда кот-
лы скрести? Забыла, что тебя под алебардами водят?

— Что тут за шум?! — рявкнул Бруно. Йост вздрогнул и
отступил на шаг.

Старший повар вышел из-за каменного столба, вытирая
руки полотенцем, и одним взглядом окинул лохань с очи-
щенной брюквой и грязные утренние чугуны на чистом раз-
делочном столе.

— Ты какого рожна грязное железо от утренней смены на
чистый стол приволок, лодырь? — тихо и страшно спросил
Бруно, подходя к подручному. — Тебе с утра что велено бы-

ло сделать, пока печь топилась? Решил на чужой спине в рай въехать да порядок мне в поварне ломать?

— Да я только... — забормотал побагровевший Йост, хватаясь за дужки чугунов.

— Марш к корыту в сени! — отрезал Бруно. — Чтобы через полчаса оба котла горели как медный грош, а после ужина один выскребешь все противни и вымоешь пол до самых дверей. Ещё раз увижу, идиотина, что свою работу на других сваливаешь, — пойдёшь к конюхам навоз на морозе кидать!

Йост, втянув голову в плечи, подхватил чугуны и пулей вылетел в сени под сдержанные смешки поварят. Элиза выдохнула и принялась нарезать очищенную брюкву. Пальцы всё ещё плохо слушались после холодной воды. Она злилась на Йоста, но облегчение было сильнее злости: хотя бы здесь нашёлся человек, который не позволил обращаться с ней как угодно.

Ещё через полчаса работа снова застопорилась. Младший поварёнок, посланный в подвал за ячменной крупой для большого гарнизонного котла, выскочил снизу бледный и поставил перед Бруно деревянное ведро с зерном.

— Мастер Бруно, беда! Мы крайнюю бочку с ячменём почали, а там обруч лопнул, клёпки разошлись, от стены сырость натянуло — вся крупа до середины задохнулась и плесенью схватилась! А в старом ларе только на дне горсть осталась.

Бруно выругался сквозь зубы, зачерпнул пригоршню кру-

пы и поднёс к лицу: зерно действительно было влажным, потемневшим и отдавало тяжёлым погребным духом.

— До раздачи караульным меньше часа, — мрачно сказал повар, оглядывая котлы, где уже варилось мясо с луком. — Горох или цельную полбу за такой срок не разваришь, солдаты со смены голодными придут. Клара, беги в подвал, глянь, нет ли во втором ряду початого мешка овсянки!

— Нету, мастер, мы вчера последнюю овсянку на утреннюю кашу выбрали, — отозвалась от котла старая Гедда. — Только репа пареная да капуста квашеная в кадках, но одним овощем мужиков с мороза не накормишь, им сыть мучная или крупяная нужна да мясо.

Элиза, стоявшая у соседнего стола, быстро оценила то, что было под рукой: открытые лари с грубой пшеничной и ржаной мукой, кипящий мясной отвар в большом котле и горшок топлёного бараньего жира у края печи. Она подошла к Бруно сбоку и негромко сказала:

— Мастер Бруно, давайте сделаем клёцки. Мука есть, бульон тоже. Заварим муку горячим наваром с жиром, замесим и нарежем небольшими кусочками. Пока займёмся тестом, котлы закипят. Если все помогут, до раздачи управимся, а ужин получится сытным.

Бруно повернул к ней голову, секунду помолчал, мгновенно прикидывая время и расход муки, и решительно хлопнул ладонью по столу:

— Делаем! Гедда, черпай кипящий навар из крайнего кот-

ла в деревянное корытце! Клара, тащи сито, пшеничную и полбяную муку!

Втроём — Элиза, Клара и Гедда — они встали у широкого деревянного корыта. Гедда понемногу вливала горячий жирный навар, а остальные размешивали муку весёлками. Когда тесто немного остыло, его вымесили руками, разделили и раскатали длинными жгутами. Клара показала поварям, какого размера отщипывать кусочки; те быстро заполнили посыпанные мукой доски. В котлы клёцки опускали порциями, чтобы отвар не переставал кипеть. Гедда выловила одну, разломилла ложкой и дала Элизе посмотреть: середина проварилась.

К тому моменту, когда во дворе пробил вечерний колокол и к раздаточной потянулись промёрзшие стражники со смен, в котлах густо пыхтело наваристое, сытное варево.

Когда первая волна раздачи схлынула и работники наконец смогли перевести дух, устроившись на лавках у тёплой печи с кружками травяного отвара, в кухне потёк неторопливый вечерний разговор.

Караульные у двери, разомлевшие в тепле, полудремали, опершись на алебарды, и не мешали кухонным переговариваться. Элиза сидела на краю скамьи рядом с Кларой, согревая ладони о глиняную кружку, и внимательно слушала каждое слово.

Говорили о том, чем жила вся округа последние месяцы, — о пограничной войне.

— Вчера обоз с солью из долины пришёл на три дня позже срока, — говорил Бруно, вертя в руках нераскуренную трубку. — Возчик сказывал, на нижнем тракте у каждого моста разъезды стоят, лошадей для полковых фургонов подчистую гребут. Скоро мешок соли дороже мешка пшеницы встанет.

— Да уж бог с ней, с солью, лишь бы люди живы были, — вздохнула старая Гедда, перебирая сушёные коренья в подоле фартука. — В нижней слободе у кузнеца обоих племянников ещё по осени в пешие сотни забрали, и с тех пор ни слуху ни духу. Говорят, у Южного рубежа всю зиму бои шли без передышки, снега кровью политы.

Элиза осторожно поставила кружку на скамью. Сердце забилось чаще.

— А из самой столицы возчики ничего не передают? — тихо, стараясь, чтобы голос звучал ровно и буднично, спросила она. — Не слышно ли чего про войну?

На кухне на секунду повисла неловкая пауза. Гедда быстро взглянула на неё, потом покосилась на стражников у дверей.

— Где уж нам знать, что в столичных палатах делается, госпожа, — негромко ответила старая кухарка. — До наших гор только дальняя молва долетает, да и та через десятые уста. Возчики болтали, будто в Вальтерграде всю зиму указы новые выходят, казённую приёмку трясут, а полки один за другим на границу уходят.

Бруно коротко качнул головой, подтверждая её слова:

— Из столицы сюда купцы зимой не ездят, госпожа. Все товары через перевалочные склады в предгорьях идут, а тамошним приказчикам до столичных вельмож дела мало — им бы свои тюки до распутицы переправить.

Элиза молча кивнула и опустила глаза в кружку. Сведений было немного, но главное она услышала: война разрастается всё шире, оттягивая на себя и людей, и внимание.

Когда караульные поднялись, собираясь увести Элизу, Бруно подошёл к столу, где она складывала передник. Повар помедлил, огладил бороду и заговорил уже вполне дружелюбно:

— Вот что... Во вторник и в пятницу у нас в поварне самые тяжёлые дни — печём на неделю и заготовки под обозные смены делаем. Двоих старших парней у меня ещё в начале зимы в дорожную стражу забрали, а от этого увальня Йоста у плиты толку чуть. Если вам в четырёх стенах сидеть тошно и руки дела просят — спускайтесь к нам в эти дни после завтрака. С сотником я сам поговорю, думаю, договоримся.

Элиза подняла взгляд на суровое лицо повара, потом посмотрела на Клару, которая с надеждой улыбнулась ей из-за стола, и на старую Гедду, одобрительно кивнувшую у котла.

Элиза поблагодарила его и оставила сложенный передник на краю стола. Клара тут же убрала его к своему, будто вопрос был уже решён. Два дня в неделю она сможет приходить сюда, работать и слушать разговоры людей, которые видят возчиков, ходят в погреба, знают дороги и порядок в замке.

Но сейчас радовало даже не это. Завтра, проснувшись в запертой комнате, она будет знать, что её ждут ещё где-то.

Глава 6

Прошло три недели с того дня, как Элиза впервые переступила порог замковой кухни. По вторникам и пятницам, едва Нора уносила поднос после завтрака, за дверью раздавались шаги одного из стражников, и Элизу отводили вниз, в сводчатый зал с двумя каменными печами.

Поначалу поварята и судомойки ещё косились на молчаливую женщину, за спиной которой у входа неизменно маячили двое караульных с алебардами. Но в горячие часы у печей любопытство быстро приедается. Элиза месила тесто наравне с Кларой, перебирала крупу со старой Геддой, следила за подовым жаром и не лезла в чужие разговоры. Постепенно к ней привыкли — как привыкают к новому работнику, который знает своё место у стола и не путается под ногами. Позже сотник разрешил ей ходить между комнатой и кухней без сопровождающего. У ворот и выходов по-прежнему стояли караулы; просто теперь никто не сидел у неё за спиной, пока она работала. Элиза не просила большего.

В ту пятницу работа шла своим чередом, пока около часа пополудни над внешними воротами не протрубил рожок.

Сначала на кухне не придали этому значения — мало ли разездов менялось на горной дороге. Но через несколько минут рожок пропел вторично, уже у внутренней арки, во дворе застучали десятки копыт, закрипели полозья тяжё-

лых саней и слышались громкие команды сотника.

Дверь поварни распахнулась, и по каменным ступеням, запыхавшись, пробежал старший дворецкий в домашнем суконном кафтане.

— Бруно! — крикнул он с порога, перекрывая стук се-чек. — Его светлость вернулся! И не один — с ним четверо господ и свита. Через пять часов подавать большой ужин в верхнем зале!

Старший повар, стоявший у разделочного стола с закатанными рукавами, медленно опустил нож и уставился на дворецкого.

— Как вернулся? Его светлость ведь велел ждать его не раньше вторника! У меня обоз из долины со свежей телятиной, битой птицей и белым вином на перевале из-за вчерашней метели застрял. Чем я тебе через пять часов четырёх вельмож кормить стану? Кашей с бараньим салом?

— Мне до твоих обозов дела нет, — отрезал дворецкий. — Господа с мороза, с дальней дороги. Чтобы к шести часам было жаркое, две перемены горячего и сладкое. Крутись как знаешь.

Дверь за ним захлопнулась. На кухне повисла тяжёлая тишина.

Бруно мрачно оглядел полки, потом повернулся к Гедде и Кларе:

— Сладкое сделаем — сливки и яйца в погребе есть, латку крема запечём. Рыба солёная на первую перемену пойдёт. А

на главное блюдо что? В леднике только туши двух старых оленей с прошлой облавы висят да солонина бочковая.

— Так оба оленя старые были, мастер, — осторожно встала Гедда. — Таковую дичь я бы сперва в уксусе с кореньями подержала. А если целиком жарить, пока мясо у кости дойдёт, снаружи всё пересохнет.

Бруно с досадой потёр переносицу. Подать хозяину и его гостям жёсткое, непрожёвываемое мясо значило навлечь гнев хозяина на всю кухню.

Элиза, стоявшая у стола с ситами, посмотрела на связки мелкого зимнего лука под потолком, на бочонок с мочёной брусникой в углу и на глиняные банки с сухими пряностями на полке.

— Мастер Бруно, — сказала она, подходя ближе. — Если взять спинную часть и окорок того оленя, их можно размягчить за полтора часа без долгого вымачивания в уксусе.

Повар быстро повернул к ней голову:

— Чего? Чем это? Уксус за час толстый кусок не возьмёт, только сверху побелит и кислятиной пропитает. Глупости...

— Не уксусом, а тёртым луком с горчичным семенем и давленной брусникой, — пояснила Элиза. — Если нарезать мясо не целым седлом, а широкими ломтями в палец толщиной поперёк волокон, сделать частую мелкую насечку ножом и густо обмазать кашицей из натёртого лука и раздавленной ягоды — луковый сок с брусничной кислотой размягчит даже старую дичь за полтора часа. А потом соскоблить луко-

вую кашицу, быстро обжарить куски на раскалённом топлёном сале до румяной корочки и дотомить полчаса в печи под густым соусом из мясного бульона, протёртой брусники, мёда и печёных яблок.

Бруно несколько секунд молча шевелил губами, примеряя способ к известным ему рецептам.

— Не знаю... Луковый сок жилу хорошо берёт, это верно, — пробормотал он. — И ягода лесной дух у старого оленя перебьёт. Только если лук на мясе в сковороде попадёт — сразу сгорит и горечь даст.

— Поэтому перед жаркой мы обметём ломти досуха, а для самого соуса возьмём свежий лук, томлённый на масле, — ответила Элиза.

Бруно явно сомневался, но выбора у него не было:

— Ладно... Делаем! Йост, бегом в ледник, носи обе оленьи спины и заднюю ляжку! Клара, ставь яблоки в малую печь и три лук на тёрке, да не реви над миской! Тильда, перебирай бруснику и толки горчичное семя в ступке!

Кухня мгновенно пришла в движение. Впервые за время плена Элиза попала в самую гущу большой поварской страды. Здесь не было времени на раздумья: на одном конце стола разделявали красную рыбу для заливного, на другом месили пресное тесто для паштетных крышек, у очага кипели три котла с бульоном и кореньями, а повара едва успевали подбрасывать берёзовые поленья в топки. Элиза старалась не мешать тем, кто привык работать здесь годами. Такого блю-

да она прежде не готовила: способ был знаком, а вот с местной горчицей и мочёной брусникой приходилось пробовать на ходу. Хорошо, что Бруно не отошёл от стола, оставив ей одной отвечать за затею.

Элиза взяла на себя подготовку оленины и основу для соуса. Пока Бруно широким ножом пластал подмёрзшую тёмно-красную мякоть на ровные широкие куски, она делала на каждом частую косую сетку надрезов, втирала в волокна жгучую кашицу из тёртого лука, толчёной горчицы и размятой брусники и плотно укладывала ломти в глубокий глиняный таз под деревянный кружок с небольшим гнётом.

Пока оленина мариновалась в прохладных сенях, на кухне занялись остальными блюдами. Ближе к вечеру Клара принялась за соус. У бокового очага хлопотала самая младшая работница кухни — худенькая, вечно испуганная девочка лет пятнадцати по имени Тильда, которую взяли в замок из бедной семьи в нижней слободе. Обычно ей доверяли только мыть миски да чистить лук, но сегодня рук не хватало, и Клара поручила ей следить за лужёным медным сотейником, в котором на самом краю плиты медленно уваривалась с мёдом, бульоном и пряностями протёртая брусничная заправка для главного соуса.

— Смотри у меня, Тильда, — строго наказала ей Клара, убегая с противнем к большой печи. — Заслонку в поддувале не открывай и дров не подкладывай! Пусть сотейник стоит на тихом духу и едва вздрагивает, а то мёд с ягодой вмиг

ко дну пристанет.

Девочка прилежно закивала и встала у очага с деревянной ложкой наготове.

Прошло не больше четверти часа. Элиза как раз проверяла в прохладных сенях промаринованное мясо, когда в поварню с охапкой сухих еловых поленьев ввалился Йост. Свалив дрова у большой печи, он прошёл мимо бокового очага, заглянул в сотейник Тильды и грубо прикрикнул на девочку:

— Ты чего тут над холодной медью уснула? До подачи два часа осталось, у тебя подливка даже не кипит! Мастер Бруно шкуру с нас спустит, если к столу сырую воду подадим!

— Так Клара велела на тихом угле держать, чтобы не кипело... — робко пролепетала Тильда, отступая от его широкого плеча.

— Мало ли что она тебе там сказала! Сама думать, что ли, не умеешь? Бруно велел мне за огнём во всех очагах смотреть, чтобы всё вовремя спело! — Йост пнул сапогом железную дверцу поддувала, открывая тягу настезь, и сунул в топку под сотейником сразу три сухих еловых полена. — Мешай живее, пока я за уксусом схожу!

Сухая ель вспыхнула порохом. В поддувале загудело, и жар под сотейником быстро усилился.

Когда через несколько минут Элиза вернулась из сеней с тазом оленины, от бокового очага уже тянуло резким, тяжёлым духом жжёного сахара. Тильда, бледная как полотно, замерла с ложкой над бурно пузырящимся сотейником, а по-

дошедший Йост, заглянув через её плечо, заорал на весь зал:
— Мастер Бруно! Гляньте, что эта безрукая натворила!
Всю хозяйскую подливу к оленине сожгла!

На кухне разом стих звон посуды. Бруно бросил разделку рыбы и широкими шагами подлетел к очагу. Ухватив ручку тряпицей, он снял сотейник с плиты и заглянул внутрь. Лицо его побагровело.

— Ты что ж это сделала, негодница?! — прогремел он так, что Тильда вжалась спиной в каменную стену, закрывая лицо руками. — На двадцать человек господского стола бруснику с мёдом перевела! В погребе моченой ягоды только на доньшке осталось, новую заправку варить не из чего!

— Но ведь это...

— Вот толку от этих слободских заморышей, — перебил её Йост, отступая на шаг в сторону. — Поставили у готового горшка ложкой водить, и то всё блюдо к хозяйскому выходу загубила. Гоните её со двора, мастер, пусть в своей лачуге воду варит!

Тильда беззвучно захлебнулась слезами, не смея даже оправдаться перед разгневанным поваром. Клара у большой печи растерянно прижала ладони к щекам, а старая Гедда только сокрушённо покачала головой, не решаясь лезть под горячую руку Бруно.

Элиза поставила таз с мясом на стол и подошла к очагу. Тильда всхлипнула, пытаясь что-то сказать, но Йост снова заговорил поверх её голоса. Элиза сдержалась и взяла чи-

стую ложку: спорить с ним сейчас было некогда.

— Подождите, мастер. Дно пока не трогайте. Тильда, ты мешала, когда пригорело?

Девочка замотала головой, глотая слёзы. Элиза осторожно зачерпнула немного соуса сверху, остудила и попробовала. Затем протянула другую ложку Бруно.

— Здесь горечи нет. Клара, дай чистый ковш и половник. Попробуем снять верх, только не скребите по дну.

Бруно сам придержал сотейник, пока Элиза переносила соус в чистую посуду. У самого дна заправка стала темнее; она попробовала ещё каплю и остановилась. Остальное пришлось оставить вместе с пригоревшей коркой. В ковше соуса оказалось заметно меньше, чем требовалось к ужину, и повар нахмурился, но Клара уже принесла протёртые печёные яблоки.

— Добавим их и немного бульона, — предложила Элиза. — Ягодный вкус будет слабее. Зато горелое на стол не попадёт.

Бруно попробовал яблочное пюре, сам отмерил, сколько положить, и велел принести остатки брусники. Соус получился светлее прежнего и не таким терпким. Элиза вмешала масло, ещё раз попробовала и отступила, давая повару решить. Тот проверил густоту и кивнул Кларе: ставь на край плиты. Тильда перестала плакать и смотрела на него, всё ещё боясь заговорить.

Повар шумно выдохнул, вытирая лоб рукавом, и повер-

нулся к дрожащей у стены Тильде:

— Твоё счастье, девка, что госпожа вовремя подоспела! Кто тебе велел под медовую заправку сухую ель совать и поддувало настезь открывать?!

— Она не сама открыла, — спокойно солгала Элиза, будто всё видела собственными глазами. — Я выходила в сени и видела из дверей: Тильда стояла у закрытой топки, как ей велела Клара. А потом подошёл Йост, накричал на неё, что соус не кипит, сам пнул сапогом заслонку и сунул в огонь еловые поленья. Девочка просто не посмела перечить старшему работнику.

Все взгляды обратились к Йосту. Тот дёрнулся, лицо его пошло красными пятнами.

— Да я хотел, чтобы быстрее уварилось! — огрызнулся он, злобно блеснув глазами в сторону Элизы. — Откуда ж мне знать было, что у них там мёд на дне не размешан!

Бруно медленно перевёл тяжёлый взгляд с побледневшей Тильды на Йоста. Сказать, что подручный нарочно хотел испортить хозяйский ужин, было нельзя, но то, что он влез не в своё дело, а потом без зазрения совести свалил всю вину на безответную девчонку, видел теперь каждый в поварне.

— Значит, учить всех взялся? Знаток! — процедил Бруно. — К очагам сегодня близко не подходи. Иди в ледник, помоги туши развесить, потом во двор — дрова колоть. А ты, Тильда, утри нос и ступай к Гедде яблоки протирать, да слушай только того, кто тебя к работе поставил.

Йост молча сжал кулаки, смерил Элизу долгим, ненавидящим взглядом из-под насупленных бровей и тяжело зашагал к выходу во двор. Один из старших поварят, друживший с ним по казарме, тоже угрюмо отвернулся, явно недовольный тем, что привозная пленница устанавливает тут свои порядки. Зато старая Гедда молча подвинула Тильде чистую миску, а сама девочка посмотрела на Элизу так, словно та вытащила её из проруби.

Оставшееся до ужина время прошло в лихорадочной, но слаженной работе. Ломти оленины, ставшие за полтора часа удивительно податливыми под пальцами, насухо обтерли от луковой кашицы, быстро обжарили на раскалённых чугунных сковородах до румяной корочки и уложили в глубокие глиняные жаровни, залив процеженным, густым и блестящим от сливочного масла бруснично-горчичным соусом с половинками печёных яблок. Через полчаса в вольном духу большой печи мясо дошло до такой мягкости, что легко разделялось краем деревянной ложки.

Когда лакеи в чистых ливреях один за другим унесли наверх тяжёлые серебряные блюда под крышками, на кухне наконец наступило затишье. Работники устало опустились на скамьи, а Элиза подошла к умывальной кадке сполоснуть руки перед уходом в свою комнату.

Она не успела развязать передник, как дверь с лестницы снова отворилась. В кухню быстро вошёл тот же старший дворецкий — но теперь без всякой дневной спеси, а с удив-

лённым и даже растерянным лицом.

— Бруно! — позвал он. — Его светлость спрашивает, кто сегодня готовил оленину под брусничным соусом. Да не бреши, что сам. Хозяин сразу сказал, что это не твоя рука. Велено немедленно привести повара наверх, в малую приёмную у столовой!

В кухне стало так тихо, что было слышно, как потрескивают угли в остывающей печи. Все посмотрели на старшего повара.

Бруно постоял секунду, расправил широкие плечи и коротко кивнул дворецкому:

— Его светлость не ошибся. Я так оленину не готовлю. Сейчас поднимемся. Госпожа, — повернулся он к Элизе, — не снимайте пока фартук, пойдёмте со мной. Это было моё разрешение, мне и нести ответственность.

Дворецкий округлил глаза, глядя на пленницу со второго этажа, но спорить не стал, лишь велел идти следом.

В малую приёмную перед большим пиршественным залом Элиза поднималась со смешанным чувством. Из-за массивных дубовых дверей столовой доносился гул мужских голосов, звон кубков и негромкий смех — там ужинали люди, ради чьих замыслов её вырвали из собственной жизни и держали взаперти.

Дверь столовой приоткрылась, и в приёмную вышел сам Домиан. В руке он держал серебряный кубок с вином, лицо его после дороги и горячего ужина выглядело довольным и

оживлённым.

Увидев перед собой старшего повара, а рядом с ним Элизу в простом тёмно-синем платье, с засученными рукавами и в белом кухонном переднике, хозяин замка остановился и с неподдельным изумлением приподнял брови:

— Леди Элиза? Признаться, не ожидал увидеть вас в таком наряде. Бруно, что это значит?

— Что значит? Вы велели привести того, кто готовил сегодняшнюю оленину, ваша светлость, — почтительно поклонился повар. — Так это леди Элиза придумала то блюдо, а я одобрил. Обоз из долины в снегах встал, кроме старого оленя в леднике ничего не было. Она у нас уже третью неделю в тяжёлые дни у печей помогает.

Домиан медленно перевёл взгляд с повара на Элизу. Несколько секунд он молча рассматривал её раздумавшееся от печного жара лицо и запястья со следами муки, а потом вдруг тихо, искренне рассмеялся:

— Вот как. Правду говорят, что место женщины у плиты. Вот уж поистине неисповедимы женские таланты! И как же вам удалось превратить старого рогача, которого мои егеря подстрелили ещё на прошлой неделе, в нежнейшую вырезку?

Элиза, поняв, что ругать её, кажется, не собираются, присела в неглубоком поклоне.

— Мы нарезали мясо поперёк волокон, ваша светлость, — ответила она. — Выдержали полтора часа в тёртом луке

с горчицей и брусникой, затем быстро обжарили и довели в печи под соусом с печёными яблоками. Мастер Бруно следил за жаром, без него я бы не справилась.

Она говорила об этом просто и уверенно — здесь ей не нужно было притворяться или подбирать чужие слова.

Домиан слушал с неподдельным удовольствием, покачивая кубок в пальцах.

— Превосходно, — произнёс он. — Мои гости были уверены, что я выписал нового кухмистра из южных княжеств. Кто бы мог подумать, леди Элиза, что в Вальтерграде вы скрывали такое редкое мастерство!

При упоминании столицы Элиза мгновенно переменялась в лице. Уверенность сошла с неё, плечи чуть ссутулились, а взгляд опустился в пол.

— В столице меня никто не спрашивал, что я умею, ваша светлость, — тихо и сбивчиво проговорила она, теребя край белого передника. — В тех казённых бумагах и счетах я сама мало что понимала, только боялась перепутать строчки, которые мне велела выучить маркиза Беатрис... А у печи и с припасами я с юности привыкла возиться, мне в Белом Яре самой приходилось за кухней и пекарней смотреть, когда денег на прислугу не было. Здесь всё просто и понятно, не то что в их приказах.

Домиан посмотрел на её поникшую голову, и в его серых глазах мелькнуло окончательное, снисходительное удовлетворение.

Элиза уже видела у него такое выражение лица, когда жаловалась на Беатрис. Похоже, и теперь он услышал то, чего ждал: бедная провинциальная хозяйка наконец занялась знакомым делом. Она продолжала смотреть в пол, ожидая, что он скажет дальше.

— Что ж, дитя моё, — мягко сказал Домиан, — кажется, мы наконец нашли для вас занятие по душе и по силам. Бруно, если леди Элиза желает помогать тебе на кухне, я разрешаю ей спускаться к вам в любой день, когда потребуется, а не только дважды в неделю. Разумеется, без выхода за пределы внутреннего двора. Сотник уже доложил мне, что вы ведёте себя примерно. Не вижу необходимости снова приставлять к вам сопровождающего, раз и без него обходитесь.

— Слушаюсь, ваша светлость, — охотно поклонился повар. — Лишние толковые руки нам очень к стати.

— И благодарю вас за ужин, леди Элиза, — благосклонно кивнул хозяин замка, поворачиваясь обратно к дверям шумной столовой. — С такой искусницей в доме мне, пожалуй, захочется бывать здесь почаще.

Обратно на кухню за оставленным плащом Элиза спускалась с лёгким сердцем. Разрешение ходить в поварню каждый день развязывало ей руки куда сильнее, чем она смела рассчитывать ещё утром.

В кухне основные огни уже гасили, повара домывали столы. За открытой дверью мелькнул караульный, пересекавший двор, и снова исчез из виду. Элиза по привычке за-

медлила шаг, ожидая оклика, но никто её не остановил. Когда она свернула к дровяному чулану за плащом, из-за дверного косяка вышла маленькая фигурка.

Это была Тильда. Убедившись, что Йоста поблизости нет, девочка торопливо обхватила ладонь Элизы обеими руками.

— Спасибо вам, госпожа... — зашептала она, глядя снизу вверх блестящими в полумраке глазами. — Если бы вы тогда подливу не спасли да мастеру правду про Йоста не сказали, меня бы нынче же за ворота выставили. А у меня матушка в слободе с зимы кашлем мается, нам бы без моего жалованья до тепла не дотянуть... Я этого век не забуду, что хотите для вас сделаю!

Элиза мягко сжала её худенькие, шершавые от золы и тёрки пальцы.

— Ничего не нужно, Тильда. Если такое повторится, сразу зови Клару или меня. Не бойся говорить, что случилось. Беги в зал, пока тебя не хватились.

Девочка кивнула и вернулась к котлам. Элиза накинула плащ и пошла к себе. Ей по-прежнему предстояло спать за запертой дверью, но завтра она сможет снова прийти сюда. И никто не станет считать минуты до возвращения в комнату, пока она занята у печи.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.